Господь — свет для меня.
Мих. 7, 8

Светильник

ИЗДАНИЕ ДЕТСКОГО ОТДЕЛА МСЦ ЕХБ 1 (17) 2018

...Не отвергай наставления матери твоей.

Притч. 6, 20

В этом номере:

20 Дневник

Дневник Бори Калинина

2 Доброе учение

О маме

52 Из жизни благовестников

Мы едем на Север!

40 Письмо

От матери детям

42 Из библейских времён

Оружие

Задание 2

59 Библейская математика

Поприще

36 Дела Творца

Кенгуру — заботливые мамы

24 Воспоминания детства

Бог услышал молитву

Поучительные истории

6 Песня из детства

28 Пример матери

47 Наташино счастье

60 Так было...

Если бы не Господь

66 Особенные дети

Глухие дети

Задание 3

Учите наш язык! (стихотворение)

71 Дети спрашивают

Вопросы и ответы

72 Песня

«Каждое утро встает мама рано...»

3 с. обл. Стихи...

«Мама научи меня молиться»

«Меня мама очень любит»

«Серебрится река»

Свидетельство молодого брата из многодетной семьи

О маме

«Приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе». (2-е Тимофею 1, 5)

В этом стихе апостол Павел упоминает трёх человек: самого Тимофея, которому он пишет послание, бабушку и мать своего ученика. Что же объединяло этих людей, кроме родственных связей? Их соединяла вера в Иисуса Христа.

Мы читаем, что вера прежде обитала в бабушке, потом в матери, затем её получает Тимофей. Таким образом, вера сохранилась в трёх поколениях этой семьи.

Из Библии мы знаем, что вера не передаётся по наследству. Как же её приобретает Тимофей? Он получил веру благодаря своей матери, которая много рассказывала ему об Иисусе Христе и оказала доброе влияние на сына.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, что может передать вам ваша мама? От неё вы можете получить самую большую ценность — веру в Иисуса Христа.

В моей жизни именно так и произошло. Моя мама была верующей, она любила читать Библию и жила так, как Бог учил её через Своё Слово. Она знала очень много библейских стихов наизусть. Когда я был ребёнком, мама часто рассказывала мне заученные стихи, и я их тоже запоминал. В детстве смысл многих стихов был непонятен, но чем старше я становился, тем больше вдумывался в содержание каждого стиха.

Знание Божьего Слова во многом повлияло на мой жизненный путь и помогло мне стать верующим. Да и сейчас, когда я готовлюсь к проповеди или рассказываю неверующим людям о Боге, мне хорошо помогают стихи из Библии, выученные в детстве. А когда приходит искушение, стараюсь побеждать его с помощью библейских стихов, как это делал Иисус Христос в пустыне: Он цитировал Слово Божье наизусть, и сатана отступал от Него.

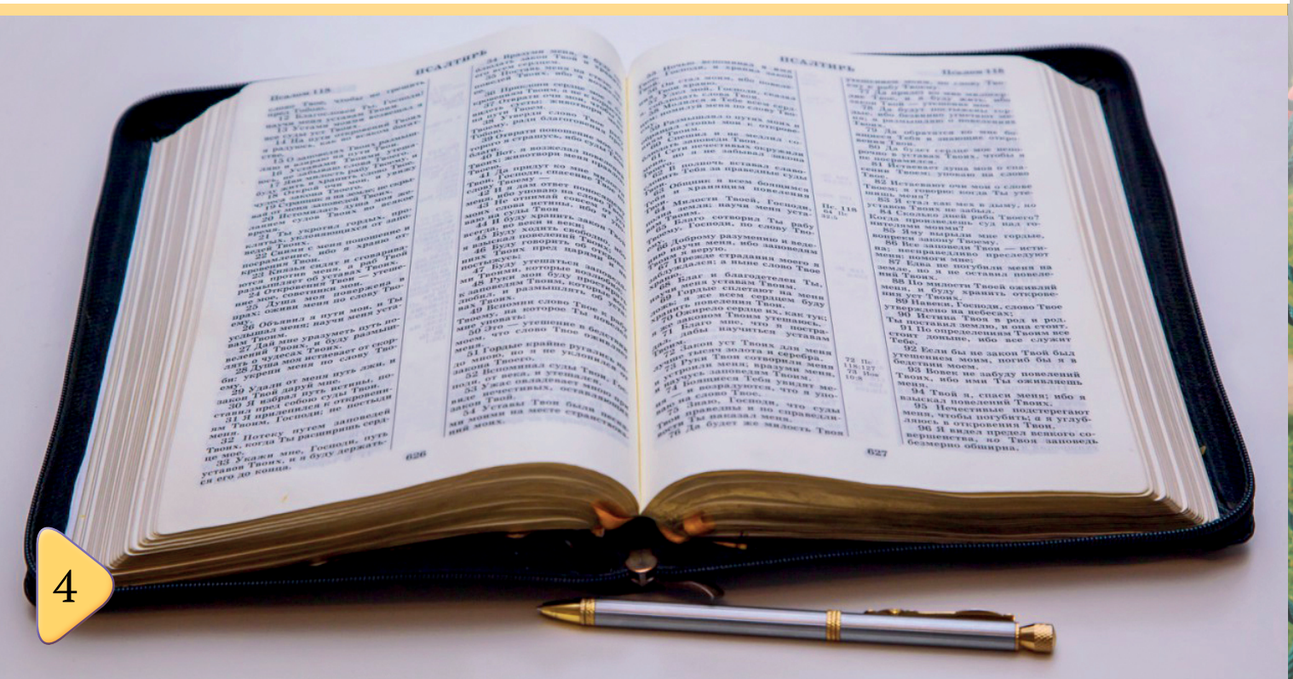
Только сейчас я понимаю, сколько труда и усилий потребовалось маме, чтоб передать мне веру в Иисуса Христа и в Его Слово. Мамин труд неоценим!

Я воспитывался в многодетной семье, у меня были братья и сёстры. Пока мы жили с родителями, мама всегда нас просила, чтобы мы говорили ей о том, куда собираемся идти или где находимся. Иногда мне эта забота надоедала, и я думал: зачем маме обязательно обо всём знать? Ведь я уже сам взрослый, да и братья с сёстрами самостоятельные. И как-то раз я спросил маму: «Неужели тебе это так интересно?» Она мне ответила: «Когда вы куда-то

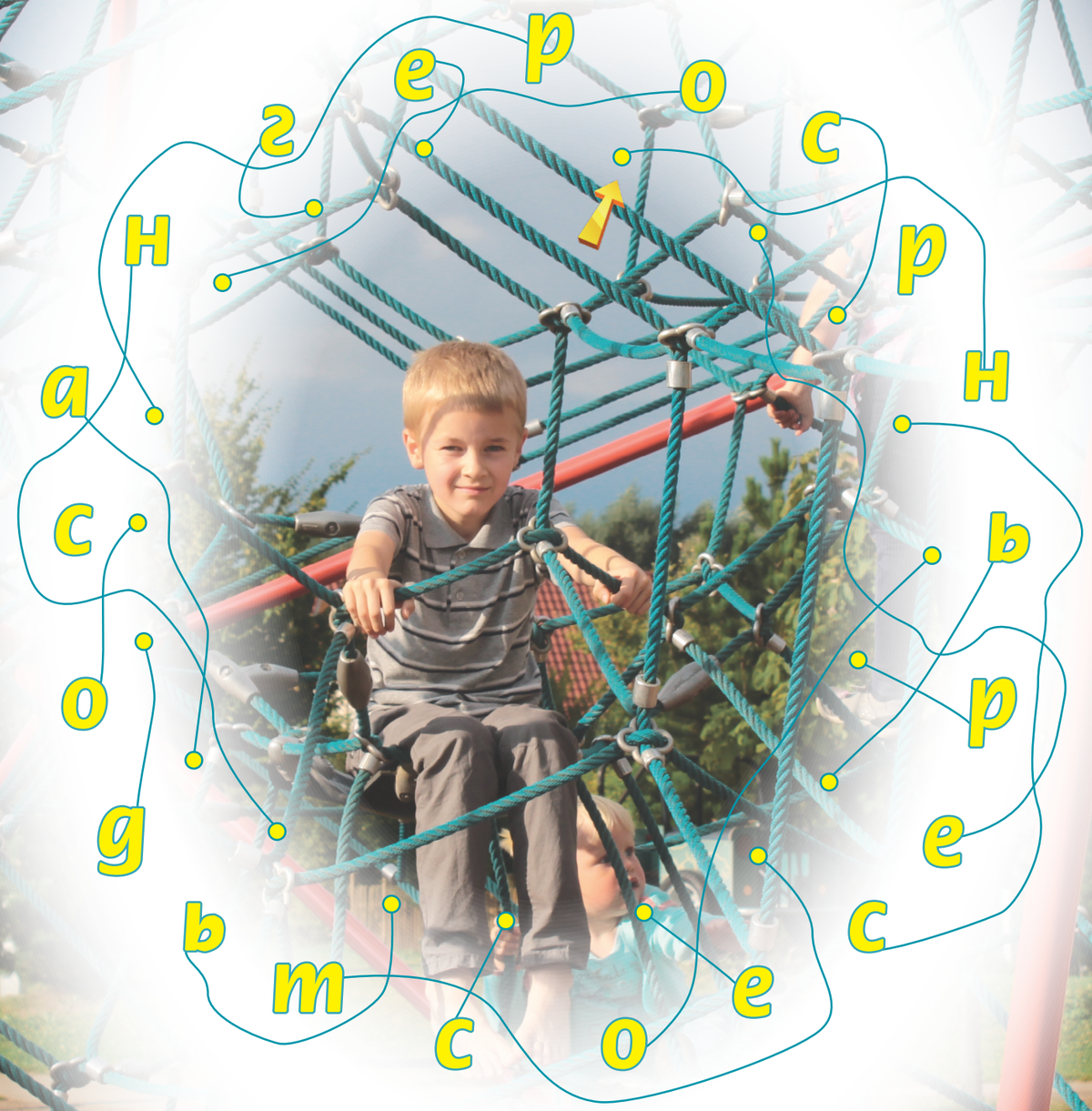
выходите из дома, я всегда молюсь, чтобы Бог сохранял вас в пути и оберегал от зла в том месте, где вы находитесь. Бог вас хранит! А если я не буду знать, как я смогу помолиться?» Я оценил мамину заботу. Как приятно было осознавать, что есть мама, которая обо мне постоянно молится!

Прошло много времени. Совсем недавно я задался вопросом: почему, когда я что-то хочу сделать — молюсь? Почему, когда собираюсь в какую-то поездку — прошу у Бога благословения? Почему всегда разговариваю с Богом, как с родным отцом? Почему я и сейчас, когда нет рядом мамы, открываю Библию и самостоятельно заучиваю стихи из неё, а также с большим желанием читаю эту бесценную книгу? Ведь меня этому не учили ни в школе, ни в университете! Я пришёл к выводу, что та вера, которая обитала в моей маме, есть и во мне! И это огромное преимущество, когда Христа знаешь с детства!

Дорогие дети и подростки! Вам нужно ценить то, что ваши мамы прилагают все усилия, чтобы передать вам истинную веру и научить вас самому главному в жизни — любить живого Бога и Его дорогое Слово.



Прочти библейское высказывание, двигаясь по точкам по часовой стрелке. Кто произнес эти слова?



Кто? ☐ ☐ ☐ ☐ ☐

Песня из детства

В далёком 1756 году мой отец, Гарри Хартман, решил переехать в Америку. Правительство Великобритании тогда одобряло такие переезды, предлагая переселенцам наделы земли и вооружённую помощь при атаках индейцев. В те годы на восточном побережье Северной Америки шла война между Великобританией и её колониями — с одной стороны, и Францией и союзными с ней индейскими племенами — с другой. Позже историки назовут эту франко-индейскую войну Семилетней, так как она длилась семь долгих и страшных лет. Франция вооружила индейские племена против англичан, пытаясь оставить за собой земли близ реки Огайо. Земля в то время была самым главным богатством, и поэтому мой отец согласился на переезд в надежде улучшить благосостояние своей семьи. Так мы оказались в Пенсильвании среди таких же небогатых фермеров-колонистов.

Мне тогда было девять лет, моей младшей сестре Ребекке шёл седьмой год. Под присмотром старших сестёр-близнецов, Рейчел и Кристалл, которым было по четырнадцать лет, мы с Бекки каждый вечер накрывали стол к ужину.

— Ох, Рейчел, ты не представляешь, как я устала! — выдохнула Кристалл, которая принесла и сложила у очага в углу кухни охапку ровно наколотых дров.

— Конечно представляю, милая,— тут же отозвалась Рейчел. — Давай-ка помоги Маргарет и Бекки разложить приборы на столе, а я закину дрова в печь.

Не дожидаясь ответа, Рейчел нежно отстранила сестру от дров, открыла дверку печи и начала проворно закидывать в топку поленья. Так как я и Бекки не хуже других знали свою работу, и стол был почти накрыт, Крис просто чмокнула каждую из нас в макушку, на ходу поправила салфетку на хлебнице и присела на краешек стула.

Мама вошла в комнату тихой, плавной походкой, мгновенно окинула кухню хозяйским взглядом и расплылась самой доброй и нежной улыбкой на свете:

— Какие же вы все молодцы, как я рада видеть вас дружными и послушными!

Эту милую идиллию нарушил залихватский свист и звонкое конское ржание. Мы все бросились к окну и как раз успели застать тот момент, когда отец подлетел к коновязи и резко осадил лошадь. Лёгким движением он перекинул ногу через голову коня и соскользнул на землю. Кристалл быстро выбежала из дома и перехватила поводья:

— Папа, я отведу его в конюшню и расседлаю.

— Спасибо, моя умничка! Вытри его хорошенько, но не пои, он еще горячий после скачки, ему нужно остыть.

Пока Кристалл ухаживала за лошадью, отец умывался и переодевался. Мы с Бекки в это время тихонько складывали куколку из салфетки, а Рейчел с мамой протирали и без того идеально чистые бокалы.

Ужин в нашей семье всегда был самым приятным временем. Отец рассказывал новости, которые он узнавал от других фермеров — таких же, как мы, простых людей. Они жили неподалёку от нас, пасли свой скот на близлежащих лугах и при встречах с соседями были рады рассказать или услышать что-то интересное, обсудить планы на продажу птицы и шерсти, поделиться надеждами на урожай и приплод скота.

— Брайан МакКолл предупредил, что индейцы всё ещё враждебно настроены к переселенцам и продолжают нападать на фермеров. Сожжено несколько домов, есть и убитые. Нескольких детей угнали в рабство.

— Гарри, какой ужас! Неужели это правда? — мама поднесла салфетку к лицу, такому же бледному, как льняное полотно.

— Мелисса, у нас пока всё тихо и спокойно. Даже не верится, что где-то такое случается. Но нас предупредили, и стоит прислушаться к словам МакКолла. Мы ехали сюда и знали обстановку. Сейчас идёт война между

англичанами и индейцами за территорию. Но мы приехали сюда с мирными намерениями и будем уповать на Божью милость.

Отец ободряюще улыбнулся нам всем.

— Не бойся так, дорогая, мы же доверили свою жизнь Господу. Он не оставит нас никогда!

— Да, Гарри, конечно. Будем молиться за тех, кто пострадал и за наши дома, чтобы Бог сохранил нас.

Мы доели картофель с овощами, полакомились оладьями с сиропом и, запив свой ужин ароматным чаем, быстро убрали со стола. Настало время вечерней молитвы.

Сегодня была моя очередь читать отрывок из Священного Писания и я, гордая своей великой миссией, бережно достала из серванта большую и тяжёлую семейную Библию.

— Ну, дорогая, что мы сегодня будем читать? — спросил папа.

— Сегодня мы будем размышлять над 138-м Псалмом,— ответила я, стараясь быть серьёзной.

Облизнув пересохшие от волнения губы, я стала читать, стараясь произносить текст медленно и благоговейно, как нас учила мама. Вся семья слушала моё чтение в полной тишине, и мне казалось, что даже настенные часы старались идти как можно тише, прислушиваясь к святым словам. Ещё утром я раз пять прочла этот псалом вслух для себя и Бекки. Нам хотелось запомнить его как можно лучше, чтобы хорошо ответить на вопросы отца.

— Реббека Хартман, что интересного ты узнала сейчас из этого псалма? — спросил отец. Он всегда очень серьёзно относился к наставлению и с полной отдачей выполнял свою роль отца, как священника семьи.

— Бог знает, когда мы садимся и когда встаём. Он всегда знает, о чём мы думаем. Если мы куда-то идём, играем или просто отдыхаем — Бог всегда возле нас, Ему всё известно.

Отец согласно кивнул и процитировал наизусть второй и третий стихи псалма:

— «Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали. Иду ли я, отдыхаю ли — Ты окружаешь меня, и все пути мои известны Тебе».

Отец прекрасно знал Писание и часто не читал, а рассказывал наизусть псалмы и большие отрывки из посланий.

— Папа, а вот тут, в 19-м стихе, сказано, что Бог может удалить от нас нечестивых и кровожадных,— внезапно вмешалась Рейчел,— потому что они враги и плохо относятся к Богу. Мы можем помолиться, чтобы Бог удалил от нас индейцев? Ведь они язычники и творят очень много зла!

— Рейчел, что ты? Тут говорится о тех, кто знает Бога, но противится Ему, а индейцы — это просто несчастные грешники, которым пока ещё никто не рассказал о спасении, любви и милосердии! — ответила Кристалл и тут же покраснела. Она всегда стеснялась высказывать вслух своё мнение и была самой набожной и богобоязненной из всех нас, сестёр.

Отец не спешил вмешиваться в диалог, давая каждому возможность высказаться, потом ответил:

— Знаешь, Рейчел, я уверен, что Богу ничего не стоит сделать так, чтобы индейцы не причинили больше никому вреда. Тем более что мы, МакКолы, Смиты, Джексоны и многие другие молятся о сохранности своих домов. Но мы должны помнить о том, что у Бога есть свои планы на каждого из нас. И если Бог решит, что нам всё же нужна встреча с индейцами, то нам не стоит роптать.

— Обратите внимание на то, как заканчивается псалом,— нежный мамин голос был очень тихим, но проникновенным. — Мы должны позволить Богу проверить все наши мысли, желания, стремления, а потом доверить Ему свой путь. Нам нужно постараться исправить всё негодное, что есть в нашей жизни, и только тогда Бог сможет провести нас путём, который ведёт к вечной жизни.

Библия в доме была одна, и так как чтецом в тот вечер была я, мне было проще всего отыскивать места, о которых говорили мои домочадцы. «Испытай меня, Боже, и узнай сердце моё; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный»,— читала я, слушая слова мамы.

— Какое же назидание получила ты, Маргарет? — спросил меня отец.

— «Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них ещё не было»,— прочла я 16-й стих. — Это значит, что Бог уже знает всё, что со мной должно случиться, и без Его воли не может ничего произойти.

Отец погладил меня по голове, потом крепко обнял:

— Ты всё верно поняла, Маргарет. Никогда этого не забывай!

Потом мы все помолились и разошлись по своим кроватям.

Наша спальня была небольшой, но очень уютной. Четыре крепких кровати, два больших шкафа, один стол и несколько стульев. На полу лежала большая коровья шкура. Каждый вечер мама заходила к нам посидеть ещё несколько минут и спеть колыбельную. Иногда старшие сёстры подпевали маме вторым голосом, но разве их пение могло сравниться с маминым! У мамы был очень красивый голос, и я всегда мысленно пела вместе с ней:

Я устал, иду к покою, Боже, очи мне закрой
И с любовью будь со мною, будь Хранитель верный мой…

Вместе с маминым голосом в душу проникал какой-то особенный покой

и мир. Эти минуты мне казались самыми сладкими и манящими. Каждый вечер я ждала колыбельную. Мама пела:

И сегодня, без сомненья, я виновен пред Тобой.
Дай мне всех грехов прощенье, телу — сон, душе — покой.

Когда я слушала эти слова, на мои сонные закрытые глаза часто наворачивались слёзы, и я с детской чистотой и наивностью снова и снова обещала Богу быть хорошей и никогда не грешить. Мне очень хотелось быть такой же доброй и хорошей христианкой, как мама.

— Мамочка, я никогда-никогда не забуду эту песню! Мне так хорошо и спокойно на сердце, когда ты её поёшь,— прошептала Бекки.

— Мама, пожалуйста, спой ещё раз,— попросила Кристалл.

— Нет, Крис, уже пора спать. Я снова спою её завтра.

— А твоя мама тоже пела эту песню, когда ты была маленькой? — спросила я.

— Да, доченька! Для меня это песня моей матери, и я хочу, чтобы вы тоже полюбили её, как и я. Когда я ложусь спать, я слышу голос моей мамы, которая пела мне эту песню в детстве. Это почему-то даёт мне силы для нового дня. А теперь, девочки, пора спать!

Под чудесные звуки маминого голоса наш дом погружался в сон.

Утро наша семья, как обычно, встретила молитвой. Потом, выйдя во двор, отец свистом подозвал сторожевого пса, и они вдвоём пошли на скотный двор. Тем временем мама, подоив корову, отправила её пастись. Я в это время помогала сёстрам готовить завтрак и накрывать на стол. После завтрака я вымыла посуду и убрала её в шкаф.

— Папа, можно нам сегодня пойти за ягодами? — спросила Рейчел.

— Вы сначала помогите мне запрячь лошадь,— ответил отец,— я должен ехать. А потом вы можете сходить в лес. Только обещайте не уходить далеко от дома. Вы должны услышать мамин голос, если она позовёт вас! А если случится беда — кричите что есть мочи.

Мы с сёстрами любили ходить в лес за ягодами и грибами. Мы знали все лесные тропинки и ручьи, различали голоса птиц и следы лесных животных. Вернувшись домой с полной корзиной черники, мы нашли маму на кухне:

— Мама, мы думали, что встретили индейца… — начала свой рассказ Кристалл, поставив корзину на стол.

— Да, но это было только перо глухаря, которое осталось висеть на ореховом кусте,— тут же пояснила я.

Мама ничего не сказала про перо, но похвалила нас за ягоды. День шёл своим чередом, близился ужин. Сегодня встречать отца вышла мама. Они вместе повели лошадь в конюшню, а за ними тихонько выскользнула из дома Рейчел. Пока я расставляла тарелки, а Крис нарезала хлеб, Рэйчел вернулась и шёпотом начала рассказывать:

— Вы представляете, оказывается, мы не просто так видели перо в лесу! Такие перья носят в своих волосах индейцы, и, скорее всего, кто-то из них наблюдал за нами. Мама очень напугана, а отец напряжён.

— Рейчел, ты бы больше занималась делом и меньше слушала взрослые разговоры! — строго ответила сестре Кристалл и многозначительно кивнула в нашу сторону. Я сразу поняла, что старшие не хотят, чтобы мы испугались.

За ужином отец с матерью обсуждали хороший урожай.

— Слава Богу, Мелисса, все кукурузные початки убраны в закрома, собраны овощи и большие красные яблоки, заготовлено достаточно сена для животных. К зиме мы готовы!

— Гарри, я так рада,— мама улыбнулась папе, но мне показалось, что её улыбка была какой-то грустной или усталой.

Вечер закончился, как обычно, молитвой. Прибрав кухню, мы пошли в свою комнату, чтобы приготовиться ко сну. Я легла в кровать и тут мне пришла в голову мысль, что неплохо было бы взять к себе в постель нашего котёнка, маленького Рики, который наверняка сейчас укладывается спать на кухне у печки. Я тихонько выскользнула из комнаты и направилась на кухню. Там горел свет, и отец с матерью о чём-то взволнованно переговаривались. Я всегда знала, что подслушивать — грех, и тут же решила развернуться и бежать в свою комнату, но вдруг услышала своё имя, а потом имена сестёр. Моя мама плакала и молилась о нас:

— Господи, пожалуйста, сохрани нас и защити! Смилуйся, дорогой Господь, и не допусти беды в нашем доме, а если Ты пошлёшь нам испытание, то помоги быть готовыми ко встрече с Тобой…

Ноги мои словно прилипли к полу, и мне вдруг стало страшно. Почему мама так плакала? После неё молился отец. Из жаркой молитвы своих родителей я поняла, что совсем рядом с нами случилась какая-то беда.

— Гарри, всё же скажи, насколько всё страшно? — спросила отца мама после молитвы.

— Мелисса, французы обнадёжили индейцев, что, объединив усилия,

они смогут вернуть себе все земли, которые англичане объявили своей колонией. По всему штату идёт волна грабежей, поджогов и убийств, англичане не в состоянии сдерживать натиск индейских племён, вооружённых французами. Я не знаю, чем это всё закончится, но уверен в том, что без воли нашего Господа ни один волос не может упасть с головы послушных Ему чад.

Что-то мягкое и тёплое скользнуло по моим ногам. Я вздрогнула, мгновенно представив, что это крыса. Но о мои ноги ласково тёрся Рики, из-за которого я и шла на кухню. Схватив котёнка, тихонько, на цыпочках, я вернулась в нашу спальню. Мама пришла через пару минут. Она, как и всегда, спела нам колыбельную, погладила каждую дочку по голове и поцеловала в щеку.

Прошло несколько дней, и я совсем забыла о том разговоре. Одним ясным утром отец велел маме и Кристалл отвезти на мельницу кукурузу, чтобы заготовить на зиму муку.

— Надо успеть управиться с этим до холодов,— сказал он маме. — А я с Рейчел займусь огородом.

— Мама, пожалуйста, можно я тоже поеду на мельницу? — спросила Бекки.

— Нет, дорогая, ты и Маргарет должны остаться дома. Ведь на вас теперь все домашние хлопоты,— мама ласково погладила Ребекку по щеке.

Вскоре мама и Кристалл уехали.

Утро было тихим и спокойным. На крыше курятника нежно ворковала горлица. Осеннее солнце освещало разноцветные кроны ясеней и клёнов ближнего леса. Не было слышно ни пения овсянок, ни криков пересмешников, ни хлопанья крыльев рябчиков, только где-то в чаще выстукивал свою дробь хохлатый дятел. Но это спокойствие оказалось обманчивым.

Я помню, как в обед Бекки вышла на крыльцо и громко позвала папу и Рейчел к столу. Почти сразу после этого я услышала испуганный визг Бекки и выскочила к ней на крыльцо. Я увидела, что в сторону нашего дома от ближайшего леса бегут индейцы. От страха ни я, ни Бекки не смогли сдвинуться с места. С ужасом я видела, как один из индейцев метнул свой топор, который вонзился в грудь отца, бежавшего к нам, чтобы закрыть собой. Отец упал, рядом с ним на колени рухнула Рейчел:

— Папа, не-е-е-е-ет!..

Крик резко оборвался, и Рейчел упала на тело отца, из её спины торчала стрела. В следующую секунду я почувствовала, как что-то сдавило мне горло, а потом какая-то неведомая сила резко рванула меня в сторону. Потеряв равновесие, я упала, скатилась с крыльца, и меня несколько метров протащило по земле. Позже я поняла, что кто-то накинул мне на шею лассо. Оно душило меня, не давало дышать, я сильно ударилась головой о землю. В какую-то минуту от боли, страха и пережитого потрясения я потеряла сознание.

Я пришла в себя от сильной головной боли и холода. Со связанными руками я лежала на земле среди многочисленных деревьев. Рядом со мной лежала и плакала Бекки. Я села и подползла к ней как можно ближе:

— Бекки, милая, как ты?

— Мне страшно, Маргарет, ужасно страшно! Они убили всех и сожгли наш дом,— прошептала сестра.

— А ну заткнуться! — мы услышали картавый крик на ломаном английском, и перед нами мгновенно предстал индеец. Это был невысокий крепкий мужчина, очень легко одетый для поздней осени. В его распущенных чёрных волосах торчало глухариное перо.

Я осторожно оглянулась вокруг. Ещё несколько индейцев затаптывали костёр и навьючивали лошадей. А совсем рядом с нами, сваленные в кучу, словно дрова, лежали ещё несколько связанных детей. Некоторые из них плакали, а некоторые были без сознания. Наконец индеец развернулся и пошёл к лошадям.

— Бекки, не плачь, Бог не оставит нас, — постаралась я утешить свою младшую сестрёнку.

— Я очень боюсь, Маргарет! Скажи, они нас тоже убьют?

Я не знала, что ответить, но мне и не пришлось отвечать, так как к нам подъехали индейцы. Они что-то крикнули на своём гортанном языке, но мы не поняли их. Тогда они стали щёлкать своими бичами, вынуждая нас сбиться в одну кучку, словно скот. Все дети еле стояли на ногах. Рядом с нами оказалась старшая дочь Эрика Смита — Сюзанна. Мы втроём взялись за руки и заплакали от страха. Индейцы что-то ещё кричали, гневно показывая куда-то в сторону. Я посмотрела туда и увидела, что некоторые дети ещё без сознания лежат на земле. Я бы дорого дала, чтобы забыть то, что произошло потом. Один из индейцев спрыгнул с лошади, подошёл к лежащим детям и перерезал каждому горло. От ужаса ноги у меня подкосились.

— Стой! Ты должна стоять! Не вздумай упасть и потерять сознание,— в самое ухо прошептала мне Сюзанна Смит. — Мы должны выжить, крепись!

Я спрятала лицо Ребекки у себя на груди и сильно укусила себя за руку. Боль помогла мне победить дурноту. Снова раздались щелчки бича, и нас погнали по лесу. Сюзанне было пятнадцать лет. Привыкшая к тяжёлому фермерскому труду, она была не по годам сильной и рослой девушкой. Мы с Ребеккой

буквально повисли на ней, и она изо всех сил тянула нас на себе, не давая упасть.

— Пить, пожалуйста, пить… я так больше не могу… — даже не прошептала, а как-то тихо, со свистом прошелестела Бекки и упала на землю.

— Бекки, нет! Вставай, сейчас же вставай! — закричала я что было сил.

Ломая кусты, к нам на лошади подлетел индеец. Спешившись, он резко нагнулся к моей сестре, лежащей на земле, и наотмашь ударил её по щеке. Бекки даже не вздрогнула. Индеец достал нож. Сюзанна обхватила меня двумя руками и потащила в сторону. Я упиралась, визжала и рвалась обратно.

— Крепись, Маргарет, пожалуйста, крепись,— Сюзанна тоже плакала.

Она из последних сил тащила меня сквозь лесную чащу. В моём сознании всё смешалось: лес, лошади, индейцы, плачущие дети, свистящие и жалящие, словно змеи, бичи и шёпот Сюзанны: «Крепись, только крепись!» Наверно, я бы тоже не вынесла той гонки, упала бы где-то под деревом, и кто-то из индейцев перерезал бы мне горло, если бы не Сюзанна Смит. Бог дал ей сил дойти самой и дотащить меня до индейской деревни, в которую нас гнали почти полдня.

В деревню мы вошли в сумерках. Уставшие, голодные, совершенно обессилевшие, мы стояли, шатаясь, перед грозным и самодовольным взглядом вождя. Нас выстроили в самом центре деревни, на глазах у всех жителей.

— Нитиве хи? — грубо спрашивал вождь каждого из нас, потом бил себя в грудь, повторяя: — Ирогиос! Ирогиос!

— Нитиве хи? — снова и снова повторял свой вопрос вождь.

Мы не понимали его, и он решил перейти на понятный нам язык:

— Кто ты? — с жутким акцентом спросил он меня на ломаном английском.

— Я — Маргарет.

— Что это значит?

— Это значит «цветущая», — прошептала я.

— Ты теперь Вэсикун Винуэм! — объявил он мне и перешёл к следующей девочке. Каждому ребёнку он давал новое имя и отправлял в новую семью, в которой отныне каждому из нас предстояло жить и работать. Меня забрала к себе пожилая женщина по имени Вэкинуэн (гром-птица). Позже я узнала, что она — тётя вождя Ирогиоса. На дрожащих ногах я вошла в её вигвам и буквально упала на земляной пол. Вэкинуэн указала мне на мою постель — охапку сухих листьев, накрытую старым одеялом. Потом она принесла мне тарелку с кукурузной кашей и произнесла:

— Войюте, йюта!

Я не знала тогда, что на индейском языке это значит «еда, ешь», но сразу поняла, что она хочет меня накормить. Схватив тарелку, я ела с жадностью, боясь, что тарелку отберут, и в то же время я была очень благодарна этой женщине за еду. Поев, я вернула тарелку женщине и тихо сказала:

— Спасибо!

Вэкинуэн довольно кивнула и сказала: «Пиламайа!» Многозначительно посмотрев на меня, она повторила это слово. И я поняла, что это значит на индейском языке «спасибо».

— Пиламайа,— сказала я.

И она снова одобрительно кивнула.

— Хэнви! — сказала она мне, показав на верхнее отверстие в вигваме.

Подняв голову, я увидела над собой ночное небо и луну.

— Хэнви,— отозвалась я, уже понимая, что «хэнви» — луна.

— Хэнви,— повторила Вэкинуэн и кивнула мне на подстилку из листьев, словно объясняя, что раз на небе луна, значит пора спать. И мы легли. Пролежав несколько минут в полной тишине, я открыла глаза. Тоска и горе сжимали моё сердце, из глаз катились слёзы. Мне хотелось выть, кричать, плакать, чтобы хоть как-то выплеснуть всё то, что так сдавливало сердце. Мне казалось, что, если я не вылью из себя своё горе, я сойду с ума. Внезапно я вспомнила песню, которую каждый вечер нам пела мама, и запела:

Я устал, иду к покою, Боже, очи мне закрой
И с любовью будь со мною, будь Хранитель верный мой.

Старая индианка поднялась со своего ложа и подошла ко мне. На её лице было удивление. Но мне казалось, что она понимала моё состояние и чутко прислушивалась к тому, что я пою.

И сегодня, без сомненья, я виновен пред Тобой.
Дай мне всех грехов прощенье, телу — сон, душе — покой.

Я с трудом допела второй куплет, голос мой осёкся, и я зарыдала. Пение и слёзы отняли у меня последние силы, и вскоре я забылась тяжёлым, глубоким сном.

Шли дни, недели, месяцы и годы. Теперь каждое утро я просыпалась, слыша крики «Онэвэ!», которыми друг друга будили индейцы в деревне. Постепенно я привыкла к быту и укладу жизни этих людей. Мы, дети, взятые

в рабство в тот страшный день, научились носить простую одежду из грубой ткани, обувать на ноги мокасины или сандалии из оленьей кожи и перестали заплетать свои волосы. Тётя вождя была добра ко мне, много говорила со мной, и я достаточно быстро выучила индейский язык. Вэсикун Винуэм, как меня теперь звали, означало «женщина с цветом кожи, как белый цветок». Я помогала своей хозяйке Вэкинуэн, трудясь с утра и до позднего вечера. Жизнь мою нельзя было назвать лёгкой, но она был спокойной. Меня никто не бил и не обижал. Я не только выучила индейский язык, но и научилась понимать их обычаи. Первое время, когда над деревней нависала ночная тьма, я вспоминала о доме и пела колыбельную своей матери. Старая индианка всегда с интересом прислушивалась к моему пению. Но со временем воспоминания о доме, вечерней молитве с отцом и пении матери стали размытыми и в какой-то момент рассеялись, как туман. Я совсем забыла родной язык, забыла свой дом, забыла, кто я. Я жила, как и должна была жить Вэсикун Винуэм — днём работать, вечером кушать, ночью спать. Редкие слухи о войне доходили до меня, но всё, что я тогда понимала, это то, что васичи (бледнолицые мужчины) пришли в наши земли, чтобы убить нас и отобрать у нас землю. И что вождь нашего племени Ирогиос вместе с другими воинами сражаются за нашу землю и свободу индейских племён. Так прошло почти восемь лет.

— Хтайети вэсти (Добрый вечер!) — в вигвам, скромно склонив голову, вошла моя лучшая подруга — Тэмрак. На нашем языке её имя означало «лиственница». И действительно, Тэмрак была высокой, сильной и светлой, как молодое, красивое деревце.

— Пусть свет войдёт в наш дом вместе с тобой,— ответила ей моя хозяйка.

Тэмрак ещё раз поклонилась, как того требовали приличия:

— Всех собирают у вигвама вождя. Наши воины вернулись и принесли вести.

Вэкинуэн поспешно встала и пошла к вигваму Ирогиоса. Мы следовали за ней на почтительном расстоянии. Ирогиос стоял, глядя прямо перед собой. Лицо его было сурово, губы плотно сжаты, брови сдвинуты. Он объявил народу, что война с бледнолицыми проиграна и племя должно вернуть всех белых рабов.

— Нунвэ! (Да будет так!) — закончил свою речь вождь.

— Нунвэ! — хором ответило ему племя, и мы разошлись.

В ту ночь я долго не могла заснуть. Мне было непонятно, какое отношение к нашему племени имело решение индейских вождей вернуть белых рабов? Кто они, эти белые рабы? Хотя я и носила имя Вэсикун Винуэм, что говорило о том, что когда-то моя кожа была белой, сейчас я была такой же смуглой, как и все индейцы племени. И среди нас не было рабов, все мы жили в мире и согласии. Однако тревога не покидала меня, и я с трудом уснула.

Утро было холодным и туманным. Зачем-то меня, Тэмрак и некоторых других людей племени созвали за деревней. Нам сказали, что мы бледнолицые и должны вернуться к своим. Воины племени провели нас к тому месту, где было решено обменяться рабами, и передали в руки английских солдат. Я помню, с какой смесью жалости и неприязни эти солдаты смотрели на нас, пока вели в город.

Нас выстроили вдоль стены, напротив огромной толпы, состоящей из рыдающих женщин и взволнованных мужчин с охрипшими голосами. Они выкрикивали совершенно непонятные для нас слова, которые я по внутреннему ощущению воспринимала как имена:

— Линда Хьюстон, Линда, отзовись! — кричали одни.

— Джон Рассел, где же ты? — раздавались совсем рядом чьи-то рыдания.

Каждый из этих людей смотрел на нас и, казалось, надеялся увидеть кого-то знакомого.

Я и Тэмрак стояли рядом, взявшись за руки.

— Что происходит, Тэмрак? — спросила я подругу.

— Они ищут среди нас своих потерянных детей,— ответила мне Тэмрак.

Я не успела спросить у неё, как она это поняла, потому что к нам подошла стройная, благородного вида седоволосая женщина и с надеждой что-то спросила.

Её речь была мягкой и приятной на слух, но совершенно нам непонятной. Мы не знали, как объяснить этой красивой женщине, что не понимаем её, поэтому просто покачали головой и сказали: «Хейян», что означало «нет» на нашем языке. Женщина отошла от нас и, опустив голову, побрела дальше вдоль строя, задавая один и тот же вопрос:

— Вы не знаете, как найти Маргарет Хартман?

Так как это был единственный человек, который обратил на меня и Тэмрак внимание, я продолжала за ней следить. Она дошла до конца строя и, видимо, не встретив того, кого искала, зарыдала. К ней тут же подбежали несколько английских солдат и начали её утешать, а потом подвели к одному из офицеров. Он что-то долго говорил этой красивой женщине, и под влиянием его слов её лицо менялось, на нём появились проблески надежды. Женщина достала платок, тщательно вытерла слёзы и вернулась к строю индейцев. Несколько раз она растерянно оглянулась по сторонам, а потом… запела:

Я устал, иду к покою, Боже, очи мне закрой…

Не знаю отчего, но я замерла, меня словно резко окатили ледяной водой. Я знала эту песню! Слова мне были непонятны, но почему-то казалось, что я знаю её, знаю смысл этой фразы. Я растерянно посмотрела на Тэмрак.

И с любовью будь со мною, будь Хранитель верный мой…

Мне стало ещё страшнее, потому что из глаз моей подруги почему-то текли слёзы, а губы что-то шептали на том самом непонятном языке, на котором пела эта красивая женщина.

И сегодня, без сомненья, я виновен пред Тобой…

Словно молния мелькнула в моей голове. Я вдруг вспомнила, что действительно когда-то очень давно видела эту женщину. Видела рядом с собой, такую красивую, милую и… любимую. Из глаз моих потекла вода, а ноги сами шли к той, которая плакала, закрыв глаза, и пела:

Дай мне всех грехов прощенье, телу — сон, душе — покой.

— Мама! Ма-а-ам-м-ма-а-а! Ма-а-а-мочка-а-а! — вдруг закричал кто-то, и в следующую секунду я поняла, что это мой голос.

Я рыдала и гладила по лицу эту прекрасную женщину, которая своей песней пробудила во мне все те воспоминания, что память постаралась спрятать от маленькой девочки. Я бы, наверное, рухнула к её ногам без сил, если бы мама не подхватила меня под руку, а с другой стороны меня держала Тэмрак.

— М-м-ме-е-лис-с-са? — неуверенно произнесла моя подруга.

— Не может быть! Сюзи, Сюзанна Смит, это ты? Господи! Я знала, я знала, я верила, что Ты слышишь все наши молитвы! — мама обняла мою подругу и та зарыдала на её плече. Кто-то из солдат подогнал экипаж и предложил довезти нас до гостиницы.

Мама привезла нас в номер, вызвала врача и полицейского. Первый долго осматривал нас, а потом заявил, что мы совершенно здоровы. Память постаралась спрятать от детского разума все страшные воспоминания, поэтому мы забыли свой язык и родных, но при ежедневном общении мы должны всё вспомнить очень быстро. Оставив своё заключение, доктор уехал. Полицейскому же мама заявила, что я — Маргарет Хартман, её дочь, похищенная индейцами во время их нападения на нашу ферму, а моя подруга — Сюзанна Смит, девочка из соседской семьи, оставшаяся без родителей и родных, и мама принимает её в свою семью.

Теперь у моей мамы было три дочери: Кристалл, Сюзанна и я. Воспоминания обо всём, что с нами случилось, вернулись к нам в течение полугода.

Часто можно услышать вопрос: «Нужно ли читать с детьми Библию, петь им, учить их молиться, или надо всё же ждать, когда они подрастут и это станет им самим интересно?» Я, женщина с цветом кожи, как белый цветок, отвечу вам: «Не просто нужно, а вы обязаны это делать! То, что вы посеете в сердце, душе и памяти своих детей, никогда не будет оттуда похищено! Как луна в полной темноте самой злой ночи, слова жизни помогут вашим детям найти дорогу к Отчему дому».

Дневник Бори Калинина

15 декабря 2000 г.

Что посеешь, то и пожнёшь

Вчера был морозный, но солнечный день. У меня было хорошее настроение, потому что скоро наступят праздники. Очень приятно получать подарки на Рождество, а в Новый Год кататься с огромной городской горки так весело! После обеда я гулял во дворе, и у меня появился новый друг – Ваня. Мы сначала построили неплохую крепость из снега, но когда начали играть в снежки, он начал обзываться. И чего ему моё имя не понравилось?

Вечером я об этом рассказал маме. Мы вместе помолились, и она прочитала мне из Библии такие слова: «Что посеет человек, то и пожнёт». Потом она рассказала историю про Иосифа, как братья продали его в Египет, а там он стал почти таким же главным, как фараон. Он присматривал за полями, на которых росла пшеница. Мама спросила: что вырастет, если бросить в землю пшеничное семя? Я сказал, что вырастет пшеница. Тогда она сказала, что есть ещё одно правило: вырастет больше, чем посеяно. Оказывается, когда Иосиф заботился о полях фараона, одно зерно пшеницы давало целую горсть! Мама достала перловку, насыпала мне в руку, потом я высыпал крупу на стол и мы посчитали зёрна. В мою ладонь вместилось 120 зёрнышек. Мама сказала, что у взрослого ладонь больше и поэтому возможно, что урожай у Иосифа был в 300 раз больше, чем он посадил. Я никак не мог понять, что она хочет этим сказать, пока

она не сказала мне: «Зачем ты обижаешься? Обижаться совсем не нужно. Только подумай немножко: твой новый друг тебя обозвал. А помнишь, как вчера ты сам обзывался на нашего соседа Петю и сказал: «Петька – редька, Петька – редька»?! Помнишь, как он обиделся? Сказал: «Всё! Я с тобой не дружу!» А потом, вечером, как будто и забыл и даже играл с тобой. Вчера ты дразнил Петю и смеялся над ним, а теперь друг твой новый, Ваня, обзывает тебя». Когда мама сказала мне об этом, я понял: получается, что я пожинаю, то есть получаю РЕ-ЗУЛЬ-ТАТ своих слов. А значит, обижаться не надо.

Мама ещё объяснила мне, что сеять недобрые слова и дела опасно потому, что они потом не только взойдут, но и принесут плод намного больше. Такое правило сеяния и жатвы. Я даже выучил эти слова из Библии: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнёт». Потом мы помолились, и я лёг спать.

7 июня 2001 г.

Велосипед

Очень хорошо, что никто не читает мой дневник, потому что я прячу его под кровать, в настоящий тайник! Мой дневник мне пригодится тогда, когда я вырасту и буду взрослым. Поскорее бы уже быть взрослым! Взрослым можно ходить как угодно далеко, а не только играть во дворе. И взрослым не надо отпрашиваться ни на горку, ни в парк. И когда я буду взрослым, я не буду бояться этого противного драчуна из соседнего двора! Он много раз уже обижал меня. Он, Девяткин Лёша, вчера, в среду, когда я шёл со школы, отнял мой рюкзак и рассыпал

все учебники и тетради на землю. И ещё он порвал лямку на рюкзаке. И ещё он дерётся и обзывается.

Сегодня мы с друзьями гуляли, было очень весело. Саша, новый наш друг, показал, как надо спускать шины у машин. Это так интересно! Оказывается, шину очень легко сдуть. Вот будет весело, когда водитель выйдет, а шины у машины сдуты! Правда, мы сдули только на одной старой «шестёрке». Мне кажется, она ничейная, потому что давно стоит во дворе и никто на ней не ездит. Поэтому ничего страшного.

5 июля 2001 г.

Сегодня я вышел покататься на велосипеде, но когда сел на него и поехал, крутить педали стало очень тяжело. Я остановился и заметил, что кто-то сдул мои шины. Я накачал их, но вскоре они снова сдулись, хватило проехать только до соседнего подъезда. Тогда я понял, что мне их прокололи. Я не мог их проколоть сам, потому что тогда проколол бы только переднее или заднее колесо, а проколоты были оба колеса: и заднее, и переднее. Это очень обидно. И зачем я оставил велосипед у подъезда? Теперь нужно ждать несколько дней, пока папа заклеит шины. Это испортило мне настроение на целый день. Вот кому понадобилось прокалывать мои шины? Теперь и не покатаешься... А так хотелось сегодня съездить с Артуром в парк!

21 декабря 2001 г.

Окно

Сегодня я был в гостях у моего друга Артура. Мы играли в мячик прямо в комнате. Я пинал мячик Артуру, а он – мне. Вдруг он пнул мячик и попал прямо в стекло в двери. У них двери в комнате со стёклами. Стекло как зазвенит! Как задребезжит! Мы думали, что оно треснуло. Подошли, посмотрели. Целое. Вдруг его мама кричит нам с кухни: «Ребята, что вы там натворили?» А Артур ей и говорит: «Боря пнул в стекло! Но он нечаянно и больше так не будет!» Как мне стало обидно! Это же неправда! Ведь не я пнул в стекло! А теперь его мама подумает на меня! Что делать? Если я начну оправдываться, мне не поверят, скажут, что обманываю. Теперь его мама думает, что это я сделал, и, возможно, даже не пустит меня больше в гости к Артуру! Я сильно обиделся и ушёл домой.

2 января 2002 г.

Я очень сильно боюсь. Потому что сегодня я разбил стекло. Утром мы пошли с Артуром на горку. Горка у нас в городе большая, высокая, как пятиэтажный дом. И сейчас новогодние каникулы, поэтому можно гулять хоть целый день! Когда мы возвращались, то кидали друг другу ледянку. Она очень хорошо летает, быстро. Когда мы уже подходили к моему подъезду, я кинул Артуру ледянку, но кинул слишком высоко, и она попала прямо в окно первого этажа и... разбила его! Оно зазвенело, раскололось, и осколки стекла полетели вниз, на Артура. Мне стало очень страшно. Я крикнул Артуру: «Бежим!» И побежал. Он тоже.

3 января 2002 г.

Сегодня моя мама разговаривала с мамой Артура. Мама Артура сказала ей, что приходила соседка из нашего дома и говорила с Артуром. Соседка сказала, что он разбил у них стекло. Артур сильно испугался и заплакал. Он сказал, что это сделал я, но ему не поверили. Я в эти дни с ним ещё не виделся, мы уже не гуляем вместе. Я очень боюсь, что соседи узнают, что это я разбил стекло. Но соседка думает на Артура, и я даже не знаю почему.

Дорогие друзья! Эти истории совершенно правдивы, они взяты из жизни и являются подтверждением простой истины: «Что посеешь, то и пожнёшь». Заметьте, что сначала Артур посеял обман, он сделал проступок, а сказал, что это сделал его друг Боря. А теперь посеянное взошло и принесло плод: на этот раз уже Боря напроказничал, а обвинили его, Артура. В случае с шинами Боря тоже пожал посеянное: ему самому кто-то проколол колёса на велосипеде.

Никогда не обманывайте и не участвуйте в недобрых делах ваших друзей! Всё это является посевом, который принесёт урожай во много раз больше посеянного!

Бог услышал молитву

В маленьком городке, затерявшемся среди других населённых пунктов страны, жила небольшая семья. Она состояла из отца, матери и двоих детей: старшей дочери и сыночка Костика. Этим сыночком был я. Бога мы не знали, жили так же, как и все люди этого мира. Папа работал, содержал семью, а мама нас воспитывала.

Однажды мама посетила христианскую церковь. Слушая проповедь Евангелия, она поняла, что нуждается в покаянии, так как в своей жизни совершила много грехов. Господь постучал в её сердце, и она покаялась, твёрдо решив посвятить всю свою жизнь Богу.

В тот день мама пришла домой с сияющими глазами и радостной улыбкой. Какая она была счастливая! Она поспешила поделиться радостью с нами. Услышав о том, что мама теперь верит в Бога и будет ходить на богослужения, отец рассвирепел.

— Мне не нужна жена-баптистка! Я хочу жить нормальной жизнью! — закричал он.

Мама пыталась ему объяснить, что нормальной жизни не было, что только вера в живого Бога дала ей мир и покой в сердце. Но папа и слушать не хотел. Он поставил её перед выбором: он или Бог. Мама напомнила ему о нас, детях.

— Неужели ты оставишь своих деток?

— Воспитаешь сама,— отрезал он.

Хлопнув дверью, папа ушёл, чтобы больше никогда не вернуться.

Так моя мама осталась без мужа, но с верой в Господа и твёрдым упованием на Его помощь.

Маме приходилось очень много работать, чтобы мы имели самое необходимое. Помощи от папы не было никакой. Он даже ни разу не поздравил меня и сестру с днём рождения.

Мама заботилась, чтобы мы были чисто одеты и чтобы дома всегда была пища. Но среди множества забот для мамы самым важным было, чтобы мы полюбили Господа, и она старалась сделать для этого всё возможное. Вечером, усадив нас на диван, мама рассказывала или читала библейские истории. Она находила время, чтобы учить с нами стихи. Богослужения мы с мамой никогда не пропускали и почти каждое воскресенье рассказывали новые стихотворения.

Когда я подрос, то стал ощущать, как мне не хватало папы: любящего, доброго, сильного. Такого, который бы смог помочь, защитить и научить чему-то полезному. Когда во время богослужения кто-то из моих друзей выходил со своим отцом, чтобы прославить Господа пением, моё сердце замирало: «Вот бы и мне так со своим папой»,— мечтал я. А когда после богослужения ребята во дворе молитвенного дома рассказывали о своих мальчишеских делах, я только печально вздыхал.

— Я вчера с папой на рыбалку ездил. Так здорово! Мы рыбы наловили, уху на берегу сварили! — хвалился один из друзей.

— А мы вчера с папой чинили велосипед,— рассказывал другой. — Он мне показывал, как камеру можно заменить.

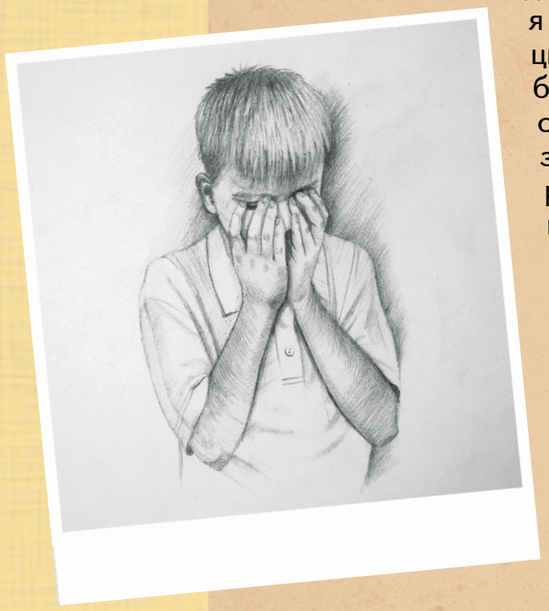
Только я не мог ничего рассказать о своём папе. Я его уже почти и не помнил. А велосипед мне приходилось ремонтировать самому. Мой ремонт был долгим и неумелым, ведь научить меня или что-то подсказать было некому.

Мама у меня была хорошая, я её очень любил, но как мне был нужен папа! А его-то рядом не было.

Однажды я познакомился, как мне тогда казалось, с «настоящими друзьями». Это были неверующие ребята. Они приняли меня в свою компанию. Я надеялся, что эти «друзья» поймут

мои переживания. Общаясь с ними, я сильно изменился. Мне почему-то стало неинтересно читать Библию, учить и рассказывать на богослужении стихотворения. Проповеди мне начали казаться скучными и длинными. Не было даже желания ходить в церковь. Я посещал собрания только потому, что не хотел огорчать маму, которую любил и жалел.

Однажды я задержался с товарищами в парке и вернулся домой очень поздно. Тихонько открыв дверь, я вошёл, защёлкнул замок, снял обувь и на цыпочках проскользнул в свою комнату, чтобы не объясняться с мамой. По привычке, опустившись на колени, я кратко помолился заученной молитвой и лёг в постель. Удобно растянувшись на кровати, я тут же задремал. Но что это? Какие-то странные звуки за стеной маминой комнаты развеяли мой сон. Я прислушался. Сердце моё затрепетало. Мама молилась. Вначале тихо, потом всё громче и громче слышался её голос, вперемешку с горькими рыданиями.



— Отец Небесный, я не знаю, что мне делать! Спаси моих деток! Они всё дальше уходят от Тебя! — надрывно плача, молилась она. — Особенно я переживаю за Костю! Он совсем не хочет ходить в церковь. Я уже не помню, когда последний раз видела в его руках Библию. Я не знаю, где и с кем он проводит вечера. Я так люблю сына и беспокоюсь, что враг сможет увести его с истинного пути и погубить. А я этого не выдержу. Господи, прости меня, что я мало времени уделяла воспитанию сына,— плакала мама. — Это я во всём виновата!

Я слушал слёзную мамину молитву и не находил себе места. Постепенно голос её становился тише и тише, она успокоилась и, наверное, уснула. Только я теперь спать не мог. Сон убежал от меня. Я вспоминал, как мама много мне рассказывала о Боге, предостерегала от грехов, заботилась, переживала. Слёзы душили меня. Мне было жалко маму. Я захотел встать, пойти к ней, сказать, что я её люблю, что она очень хорошая, заботливая мама и что я никогда не буду её огорчать, но побоялся её потревожить.

Так я и не смог уснуть до утра. Одна за другой передо мной проплывали картины из прошлого: вот я на коленях у мамы слушаю библейскую историю, вот на богослужении рассказываю стихотворение, вот слушаю проповедь, а вот молюсь. Как было хорошо, радостно! А что за жизнь у меня теперь? От Господа отдалился, маму огорчаю... «Не хочу больше так жить! Покаюсь и буду служить Господу! Никогда не буду обижать маму, чтобы она не плакала больше обо мне, а наоборот, благодарила за меня Бога»,— твёрдо решил я.

Эта ночь была поворотным пунктом в моей жизни. Я стал христианином, посвятил себя Богу и позже стал трудиться для Него. Я навсегда запомнил, что именно молитва мамы и милость Божья удержали меня от погибельного пути.

С того времени прошло много лет. Господь подарил мне хорошую богобоязненную жену и прекрасных деток. Я очень хочу, чтобы мои дети выросли настоящими христианами. Только Господь может дать им Своё спасение. Поэтому я всегда молюсь Богу о спасении моих детей, как это делала моя мама-христианка.

Ответы на вопросы
(«Светильник» № 2, 2017 г.)

Стр. 36–37

Савл — обидчик, хулитель
Иов — непорочный справедливый
Анна — молящаяся
Мария — смиренная
Соломон — мудрый
Аман — злобный
Аполлос — красноречивый
Авигея — умная
Авраам — верующий
Моисей — кротчайший
Авдий — богобоязненный

Стр. 60–61

Мария — «Се, раба Господня...»
Давид — «Господь — Пастырь мой...»
Самуил — «Говори, Господи...»
Иоанн Креститель — «Мне надобно креститься...»
Закхей — «Господи! Половину имения...»
Гедеон — «Господин мой!..»
Иисус Навин — «...А я и дом мой...»
Моисей — «О, Господи! Человек я не речистый...»
Каин — «...Разве я сторож брату моему?»

Пример матери

Лиана Асатрян была очень активной, подвижной девочкой десяти лет. Она росла в многодетной христианской семье. Лиана отлично умела ладить со своими братьями и сёстрами, друзьями во дворе и одноклассниками и почти никогда не доставляла проблем ни родителям, ни учителям. В этом году Лиана заканчивала третий класс.

Учёба давалась ей очень легко, Лиана буквально всё схватывала на лету. Её хвалили учителя, любили одноклассники, и Лиана вела весёлую и беззаботную жизнь самой обыкновенной третьеклассницы.

До конца учебного года оставалось всего несколько дней. Окна школы из-за майской жары были распахнуты настежь, и школьные коридоры и классы наполнял густой аромат цветущих на клумбах ирисов. Пять минут назад прозвенел звонок на последний урок, но Лиана не торопилась в класс. Она знала, что учитель музыки внезапно заболела, поэтому урока не будет и придётся просто сидеть в классе в ожидании звонка.

Лиана весело проскакала по школьному коридору, на мгновение задержалась у окна, полюбовалась школьной клумбой, попила у школьного фонтанчика и только после этого открыла дверь в класс.

Класс, в котором училась Лиана, был последним в крыле школьного здания, и только это объясняло, почему на шум, стоявший в кабинете, не заглянул никто из учителей. В центре класса стояла Виолетта Кайзер, худая и бледная девочка с непослушными вьющимися волосами. Виолетту не любили в классе за то, что она была молчуньей и ни с кем не дружила. Одноклассники обращали на неё внимание, только когда учитель вызывал девочку к доске. Виолетта очень хорошо училась. У неё был каллиграфический почерк, она легко складывала и вычитала трёхзначные числа, а на немецком языке говорила так же свободно, как и на русском. Сейчас Виолетта напряжённо смотрела на кого-то, кто стоял за спиной Лианы. Уголки её дрожащих губ обиженно опустились, а большие глаза наполнились слезами. В классе стоял гул, как на стадионе. Сразу несколько девчонок задорно кричали мальчишкам, стоявшим позади Лианы, у двери:

— Давай мне, ну давай же! Мне, мне!

— На, держи! — услышала Лиана, и через её голову полетел какой-то странный предмет.

Виолетта дёрнулась вперёд, чтобы поймать его, но кто-то из мальчиков ловко подставил ей подножку, и девочка упала. С весёлым визгом одноклассницы приняли передачу, и Лиана только теперь увидела, что кидали школьную сумку Виолетты Кайзер.

— Мне, мне! Кидай мне,— взвизгнула от азарта Лиана и тут же бросилась наперерез летящей сумке.

Это было так весело! Сумку старались кинуть как можно выше и как можно дальше, и каждый новый бросок сопровождался восторженным воем разгорячённой детворы. Лиана дважды успела поймать и перекинуть сумку другому, прежде чем услышала:

— Что у вас тут творится? А ну, немедленно прекратите!

Громкий, властный голос принадлежал учителю физкультуры, и дети замерли, как по команде. Сумку уже никто не ловил, и она свободно продолжила свой полёт, пока не ударилась о школьную доску и не упала на пол. Наверное, её в последний раз швырнул кто-то из мальчишек, потому что от силы удара сумка лопнула, и на пол посыпались тетрадки, учебники и карандаши. Виолетта заплакала и начала торопливо складывать раскатившиеся по полу карандаши в пенал.

— Немедленно сесть на свои места! — голос учителя не обещал ничего хорошего. — Не плачь, Виолетта,— он присел рядом с девочкой, помогая ей собрать учебники и тетради.

«Ой, ну вечно эта Кайзер прибедняется,— раздражённо подумала Лиана. — Ей лишь бы плакать, чтобы её жалели!» Лиана пожала плечами, равнодушно наблюдая, как учитель помогает Виолетте сложить вещи в сумку. «Из-за чего тут плакать? — недоумевала Лиана. — Ну поиграли, сумку покидали, что такого-то? Сама ни с кем не дружит, а потом обижается»,— погрузилась в свои мысли Лиана.

— Асатрян! Асатрян, ты меня слышишь или нет? — голос учителя вывел Лиану из задумчивости. — Да, да, я тебе говорю, и ты тоже к директору!

— Я? За что? — Лиана искренне распахнула свои большие с пушистыми ресницами глаза и недоумённо посмотрела на учителя.

— Я видел всех, кто издевался над Кайзер. Ты вообще больше всех старалась. Так что вперёд, к директору! Мы обзвоним родителей, и пока инцидент не будет исчерпан, никто домой не пойдёт!

— Да я не… — Лиана задохнулась

от возмущения и сердито посмотрела на виновницу своих неприятностей.

Виолетта так и стояла у доски с порванной сумкой в руках, опустив голову так низко, что почти уткнулась в сумку лицом. Плечи её вздрагивали от рыданий, а причёска совсем растрепалась. Жалкий вид девочки только ещё больше вызвал в душе Лианы протест:

— Да я вообще только что в класс зашла, я пить к фонтанчику ходила!

— Вот директору и объяснишь! — отрезал учитель.

Через пятнадцать минут больше половины третьеклассников сидели в приёмной кабинета директора и обречённо наблюдали, как секретарь обзванивает родителей и просит их немедленно прийти в школу. Прозвенел звонок с урока. Уже через минуту на школьный двор высыпали ученики, которые весело разбегались по домам.

«Эх,— подумала Лиана,— все идут домой, а мы тут должны сидеть и ждать, пока нам попадёт из-за плаксы Кайзер!»

Кажется, её мысли уловили одноклассники, потому что они начали шёпотом переговариваться.

— А почему накажут только нас? — тихо бухтел один из мальчишек. — Кидали все, а виноваты только мы?

— Ага, да ещё Кайзер разревелась посреди класса, как специально! — подхватила Лиана. — Ну что мы ей сделали? С сумкой поиграли? Вот неужели из-за этого надо реветь?

Одноклассники одобрительно закивали головами, всё больше соглашаясь с тем, что ничего страшного не произошло.

Дверь резко открылась.

— Да я тебе уши надеру, паршивец ты этакий,— в приёмную влетел отец одного из одноклассников Лианы.

— Дети, что случилось? — на пороге появилась бабушка кого-то из девочек и ещё несколько матерей.

Секретарь пригласила всех в кабинет директора. На лицах детей и родителей читалось напряжение и недовольство.

— В вашем классе ЧП,— начала вводить всех в курс дела директор. — Группа третьеклассников обидела Виолетту Кайзер, и мы не можем оставить их безнаказанными. Девочку толкали, ей порвали сумку, помяли тетради и учебники. Но не это главное. Вопрос в другом: откуда в детях столько жестокости?

Пришедший первым отец подскочил к своему сыну и встряхнул его за плечо:

— Как, как это произошло? Говори немедленно, пока я тебе уши не оторвал!

— Да мы ничего не сделали! — быстро начал отвечать сын. — Мы просто играли! Взяли сумку Кайзер и кидали друг другу, как мяч. Это был игра, мы не обижали Виолетту!

— Никто её не трогал, она сама разрыдалась,— поддержал кто-то из девчонок.

— А упала она сама, никто её не толкал.

— И вообще, эта Кайзер сама хороша! Сидит, как сыч, на последней парте, а мы вечно виноваты, что с ней не дружим.

— Мы же просто играли! — уже хором отстаивали свою правоту дети.

— А меня вообще ни за что сюда привели! — всхлипывал кто-то. — Я не кидал эту сумку!

— В самом деле, что это вы всё на наших детей сваливаете? Нужно разобраться в ситуации! — начала возмущаться бабушка.

Дверь кабинета снова открылась, и к директору вошла худая, очень бледная женщина невысокого роста. У неё были такие же вьющиеся волосы, как и у Виолетты, только почти седые. Женщина пыталась втащить за собой в кабинет дочь, но та упиралась и громко шептала: «Я не хочу, не хочу туда!»

Наконец матери удалось справиться со своей дочерью, и обе они оказались в центре кабинета, как совсем недавно Виолетта посреди класса. Прижавшись всем телом к матери, Виолетта дрожала и, кажется, снова собиралась плакать.

— Скажи нам, Виолетта, тебя кто-то ударил? — громко спросил кто-то из родителей.

Девочка ещё теснее прижалась к матери и ничего не ответила.

— Может, тебя бьют в классе, а мы не знаем? — задала следующий вопрос чья-то мать. Виолетта отрицательно качнула головой.

— Ну вот,— подвела итог одна из родительниц, обращаясь к директору. — То есть по сути ничего страшного не произошло, дети просто баловались,

а вы пытаетесь сделать из этого трагедию!

«Ух ты, а она молодец! — весело подумала Лиана. — Правильно, была всего лишь игра, а если кто-то и порвал её сумку, то ведь не специально. Ну а что Виолетта упала, так нечего быть такой неуклюжей».

— Ничего страшного? — раздался мягкий голос, и Лиана с удивлением увидела свою маму. Лиана даже не заметила, когда она вошла в кабинет. — В самом деле, может, и не было бы трагедии, если бы мы вовремя объяснили своим детям, что можно делать, а чего нельзя.

— Да что они такого сделали, наши дети? Поиграли с сумкой? — раздражённо ответил кто-то из взрослых. — Ну хорошо, дома я поговорю с сыном и попрошу его близко к Виолетте не подходить. Этого достаточно?

— Вам решать, что достаточно для вас и вашего сына,— ответила мама Лианы.

Мама Асатрян подошла к Виолетте и её матери, всё это время молча стоявшим посреди кабинета и ласково взяла девочку за руку.

— Виолетта, прости нас, пожалуйста! Я прошу у тебя прощения за поступоксвоей дочери. Мне очень стыдно, что я не научила её быть добрее к людям.

Потом мама Лианы обратилась к матери Виолетты:

— Простите нас, мы виноваты. Позвольте, я зашью сумку вашей дочери, и мы заплатим за испорченные учебники и тетради. И если дети порвали или испачкали Виолетте одежду, то я готова всё постирать и зашить, а если надо — купить новое.

Дети и взрослые, находившиеся в кабинете директора школы, застыли в молчании. Такого исхода не ожидал никто.

Лиана, сгорая от стыда, низко опустила голову, и из её глаз потекли слёзы. Сейчас она готова была отдать всё на свете, лишь бы не было той весёлой игры с киданием сумки в классе.

Кажется, Виолетта и её мама не меньше остальных были потрясены таким предложением.

Мама Лианы осторожно взяла сумку из рук Виолетты.

— Я всё зашью и приведу в порядок, а вечером мы принесём тебе сумку, хорошо? — А потом она тихо добавила: — Я поговорю с Лианой дома, и она больше никогда не будет тебя обижать.

Ни взрослым, ни детям больше нечего было сказать, и они молча покинули кабинет директора и разошлись по домам.

Всё так же стояла жара, всё так же пышным цветом цвели ирисы, и по-прежнему всего несколько дней оставалось до каникул, но это больше не радовало Лиану. Полная противоречивых чувств, она пришла с мамой домой.

Лиана переоделась, помыла руки, пообедала, а мама тем временем почистила и зашила порванную сумку, аккуратно разгладила утюгом помятые страницы учебников и тетрадок и бережно подклеила разорванный книжный переплёт. Смотреть на это Лиане было мучительно больно и очень стыдно. Ей казалось несправедливым, что сумку кидали почти все одноклассники, а она сама пришла чуть ли не в самом конце этой истории, но исправлять всё приходится её маме, а не тем, кто начал игру с сумкой. В душе Лианы бушевало море эмоций. Она злилась на Виолетту, слёзы которой привели всех к разбирательству у директора. На то, что никто из одноклассников не захотел сознаться, что он первым начал эту злую игру. Лиане было очень неприятно и казалось несправедливым, что именно её мама зашивает сумку, гладит страницы, а потом пойдёт к Кайзерам.

Когда сумка и все школьные принадлежности оказались в полном порядке, мама положила в портфель большую плитку шоколада и, внимательно посмотрев на дочь, предложила:

— Ну что, давай поговорим! Как же так получилось, доченька?

— Мама, ты же ничего не знаешь! Ничего там плохого не произошло, это всё Виолетта виновата! Она ходит всегда такая угрюмая, некрасивая, её никто не любит. А мы просто взяли её сумку поиграть. Никто ведь не хотел рвать эту сумку!

— Лиана, остановись! Давай по порядку! А почему вы считаете Виолетту некрасивой? — вопрос матери застал Лиану врасплох.

— Ну, не знаю, она странная,— неуверенно ответила та.

— Хорошо, допустим, она странная, но почему её никто не любит?

Лиана недоумённо пожала плечами.

— Она неряшливая, кому-то грубит, плохо учится? В чём её вина? — снова спросила мама.

— Да нет, она вообще молчит всегда, а учится очень хорошо. Просто она никогда не смеётся, ни с кем не играет, ни с кем не дружит.

— То есть вы не любите Виолетту только за то, что она не такая, как вы? Ты не находишь, что вы ведёте себя как стая ворон, которые готовы заклевать белую ворону за то, что она отличается от других? Лиана, а если бы ты оказалась на месте Виолетты, как бы тебе понравилось такое отношение?

Лиана сидела, словно оглушённая. Она никогда не задавалась вопросом, почему все так плохо относятся к однокласснице. Она поступала как все, и это казалось ей правильным.

— Доченька, а как ты думаешь, Христос любит Виолетту Кайзер? Лиана, я уверена, что Христос считает красивым

каждое Своё создание, и вы очень сильно огорчили Его, когда позволили себе издеваться над тем, кто слабее вас. Иисус умер на кресте не только за тебя и меня. Он сделал это и ради Виолетты Кайзер. Так почему вы решили, что вы лучше неё, если за всех нас уплачена одна цена? Как вы могли так её обидеть?

— Мы зря это сделали… — выдавила из себя Лиана.

— Я рада, что ты это поняла.

— Но мама, почему именно ты стирала и зашивала её сумку, ведь кидала не только я, но и другие? Да я вошла в класс почти в последний момент! Другие виноваты больше меня! Кто-то же начал эту игру первым, пусть бы их родители всё исправляли. Но почему это сделала ты?

— Лиана, потому что я больше всех хотела это сделать. Сегодня это единственный способ показать тебе, что за любой проступок надо отвечать. А если ты этого ещё не понимаешь, ответить за тебя должны твои родители. Жаль, что ты не видишь, как жестоко вы поступаете с Виолеттой, не чувствуешь, как ей обидно и больно. Мне не сложно зашить сумку и подклеить учебники. Мне даже приятно сделать хоть что-то доброе для девочки, которую вы не любите и так сильно обижаете целых три года. А теперь собирайся, нам нужно отнести Виолетте Кайзер её сумку.

Всю дорогу Лиана думала над тем, что сказала ей мама. Лиана первый раз увидела себя и своих одноклассников со стороны. Стая ворон — вот с чем сравнила мама их класс. Лиана пыталась вспомнить хотя бы один случай, когда Виолетта кого-нибудь обидела, «клюнула», но не вспомнила. Просто девочка никому в классе не нравилась, а Лиана поступала как все. Она никогда не думала, что это плохо, и только удивительный поступок мамы, её добрый пример и откровенный серьёзный разговор с ней помог Лиане Асатрян многое переоценить.

Вот и дом Кайзеров. Калитка распахнулась, и Лиана с мамой оказались на залитом солнцем просторном дворе.

— Виолка, это к тебе? — раздался радостный голос над головой, и Лиана увидела лицо весёлого чернявого мальчугана лет пяти, свесившегося из окна мезонина.

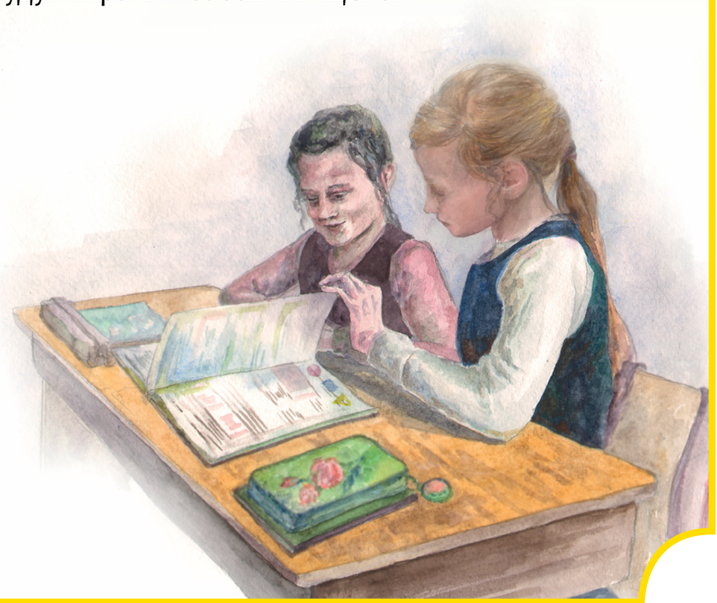
Тут же раздался заливистый лай, и из-за угла выбежала запыхавшаяся от смеха и быстрого бега Виолетта, за которой во весь опор мчался маленький курчавый щенок с явным намерением догнать и облизать хозяйку. «Она умеет смеяться? — удивлённо подумала Лиана. — Надо же, какая она… красивая, когда смеётся!». Виолетта резко остановилась, так же резко исчезла улыбка на её лице и озорные ямочки на щеках, а в больших глазах появился уже знакомый Лиане страх.

Подняв голову, Лиана заметила, с каким удивлением наблюдал за этой сценой мальчишка, и даже курчавый щенок заскулил, не понимая, почему прекратилась такая замечательная и весёлая игра. Лиана быстро схватила сумку из маминых рук, сделала два шага к Виолетте и, глотая слёзы стыда, протянула ей сумку:

— Прости меня! Мне так стыдно. Я больше никогда не буду тебя обижать.

Виолетта нерешительно протянула руку к своей сумке, её щенок вильнул хвостом и звонко тявкнул. Лиана вздрогнула от неожиданности, а её мама улыбнулась, наклонилась и протянула руку, чтобы погладить щенка. Тот радостно ткнулся мордочкой в мамину ладонь, а потом неожиданно подпрыгнул на задних лапках и лизнул её в нос. Виолетта прыснула от смеха, с ней засмеялись и Лиана, и её мама, и оказавшийся рядом младший брат Виолетты.

Аневная жара сменилась вечерней прохладой, душистые ирисы готовились ко сну, до конца школьного года оставалось всего несколько дней. Лиана Асатрян собирала школьную сумку на завтрашний день, и у неё на сердце было тепло и радостно. Завтра она попросит Виолетту Кайзер сесть вместе с ней за парту, и они вместе пойдут в столовую и будут играть на переменках. А потом Лиана обязательно расскажет что-то смешное и по-настоящему весёлое. Такое, что Виолетта будет смеяться и все в классе увидят, какая красивая у неё подруга. И уже никто не будет смотреть на Виолетту с неприязнью и считать её странной, она ведь ничуть не хуже других, да ещё у неё есть младший брат и забавный щенок.



КЕНГУРУ —

заботливые мамы

В далёкой тёплой Австралии живёт удивительное и уникальное животное — кенгуру. Он является официальным символом этой страны и изображён на австралийском гербе. Кенгуру неспособен пятиться назад, поэтому он и был выбран как символ того, что австралийская нация движется только вперёд и развивается.

Количество кенгуру в стране в три раза превышает численность населения этого континента. В Австралии так много кенгуру, что существует даже специальный дорожный знак, который устанавливают на участках, где животные особенно мешают движению машин.

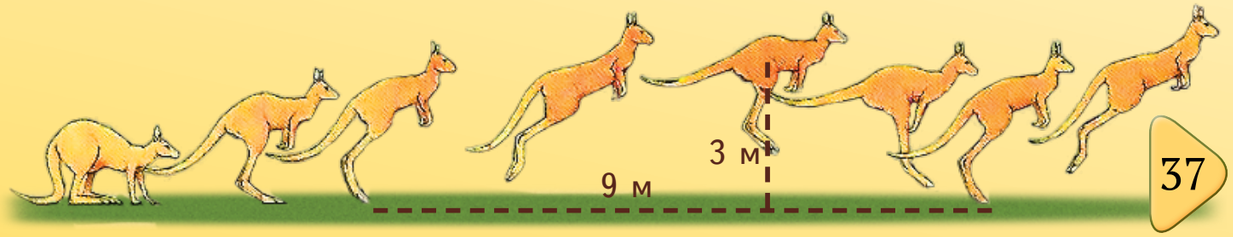
Существует около 60-ти видов кенгуру. Их можно поделить на три группы: самые маленькие — кенгуровые крысы, средние — валлаби и самые большие — гигантские кенгуру. В группе гигантских кенгуру выделяют три вида: серые (лесные), рыжие (степные), валлару (горные). У всех кенгуру короткие передние лапы и мощные задние ноги.

Кенгуру всех видов являются травоядными животными. В основном они питаются листьями, травой и молодыми корнями, которые выкапывают передними лапами, похожими на руки.

Днём кенгуру прячутся от жаркого солнца в тени деревьев либо скрываются в норах. Эти животные мало пьют. Чтобы охладиться в сильную жару, они открывают рот и начинают часто дышать, но к воде притрагиваются в редких случаях, даже если рядом есть водоём. Почему так происходит? Некоторые учёные считают, что вода снижает питательность пищи. И возможно, кенгуру, который довольствуется скудной, бедной белками растительностью, предпочитает страдать от жажды, но не разбавлять питательные вещества в своем организме.

Кенгуру — единственное крупное животное, передвигающееся прыжками. В этом ему помогают сильные мускулистые ноги с эластичными ахилловыми сухожилиями, действующими во время прыжка как пружины, и длинный мощный хвост, приспособленный для удержания равновесия во время скачкового перемещения. В длину кенгуру могут прыгать до девяти метров, в высоту — до трёх.

При передвижении кенгуру развивают большую скорость, в обычном режиме — 20 км/час, при необходимости, когда за ним гонится враг,— до 70 км/час.



Самым опасным врагом этого интересного животного является собака динго. Когда собака преследует кенгуру, тот, в свою очередь, проявляет большую сообразительность и хитрость: он запрыгивает в водоём, так как умеет прекрасно плавать, дожидается, пока динго доплывёт до него, затем хватает врага передними лапами и топит в воде.

В том случае, если водоёмов рядом не оказывается, кенгуру принимает бой на суше. У этого животного есть удивительная способность: он может полностью переносить тяжесть своего тела на хвост и сражаться с противником, нанося ему тяжёлые удары освободившимися задними ногами с острыми когтями.

Кенгуру — не только красивые и необычные животные, но ещё и заботливые мамы. У мамы-кенгуру на животе имеется специальная сумка, в которую переползает детёныш сразу после рождения. Кенгурёнок появляется на свет очень маленьким и весит при рождении около одного грамма.

Как же слепому и глухому детёнышу размером около двух сантиметров удаётся доползти до маминой сумки? Оказывается, заботливая мама-кенгуру до появления детёныша на свет вылизывает на своей шерсти узкую дорожку. По ней и ползёт кенгурёнок до сумки.

В сумке мамы-кенгуру детёныш находится восемь месяцев, питаясь маминым молоком. Внутри сумка гладкая, а по краю покрыта густым мехом, чтобы детёнышу всегда было тепло. Мама-кенгуру умеет «управлять» входом в сумку благодаря мышцам. Она может крепко-накрепко закрыть вход при контакте с водой, чтобы не намочить малыша, и сама решает, когда кенгурёнку можно вылезти на волю. За это время малыш растёт, покрывается шерстью и уже способен сделать свои первые прыжки.

Кенгуру — замечательные мамы. Подросший кенгурёнок очень часто может вскочить в сумку, чтобы полакомиться молоком или если испугается кого-нибудь. В сумке он уже не помещается — ноги и хвост торчат наружу! А мама не только не прогоняет его, но и при необходимости скачет с ним, скрываясь от опасности. Если мама-кенгуру понимает, что уйти ей не удастся, она на бегу выбрасывает своего кенгурёнка из сумки. Но выбрасывает исключительно метко — не под ноги преследователю, а в укромное место, например в кусты или расщелину скалы. Делает она это в самых редких случаях, когда уже нет шансов на спасение. И если ей самой всё-таки удаётся спастись, она обязательно возвращается к тому месту, где выбросила кенгурёнка, и пытается его отыскать.

Мудрый Бог, создавая животных, сделал так, чтобы рядом с беспомощными детёнышами всегда были их родители. Сколько неутомимой заботы проявляют живые существа о своём маленьком потомстве!

Дорогой друг, Бог подарил и тебе любящих родителей. Без них ты чувствовал бы себя совершенно одиноким и беспомощным. Цени своих родителей, береги их, заботься о них! «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. „Почитай отца твоего и мать“ — это первая заповедь с обетованием: „Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле“» (Еф. 6, 1-3).

Добрый день, мои милые детки!

Сегодня мне хочется немного пообщаться с вами. Вы очень дороги мне, и я хочу видеть вас счастливыми, поэтому спешу помочь вам сделать в жизни правильные шаги. Настоящее счастье я познала в Господе, и нет лучшей радости, чем служить Ему.

Когда мы с папой впервые держали вас на руках, сколько благодарности изливалось из сердца к Богу за вас, крошечек! Для нас вы были и остаётесь самыми родными, самыми прекрасными. Казалось, этой радости не будет конца. Но не знали мы тогда, как это непросто — воспитывать деток. В вас стала проявляться греховная природа, а с возрастом вы начали отдаляться от нас, думая: «Друзья нас больше понимают, чем родители. Они уже состарились, им не понять нас». Детки, помните, мы вас очень хорошо понимаем, потому что были точно такими же в вашем возрасте.

Когда-то и я жила в любящей семье моих родителей. Конечно, были и ссоры, но в сердце всегда было желание жить правильно, находиться в церкви. Бог видел моё стремление и повёл Своим путём. Он дал мне сознание греховности, и я поняла, что нужно покаяться в собрании, но у меня не было сил выйти вперёд. Однажды в нашу церковь приехал гость. В конце проповеди он призвал к покаянию, и многие мои подружки обратились к Богу. Я тоже помолилась о прощении грехов.

Но, к сожалению, я не увидела в себе изменений к лучшему. Почему — я не могла понять. Я молилась, просила Бога дать мне новую жизнь. Иногда впадала в отчаяние, а временами в равнодушие, думая, что Бог меня не слышит. Это длилось примерно два года.

Но Бог всё это время очень внимательно наблюдал за мной и вёл к возрождению. Однажды я прочитала в Нагорной проповеди Христа такой стих: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Это так сокрушило меня! Я была одна в комнате, склонилась на колени и просила прощения за все грехи, искренне сознавая, что ничего не могу без Господа. В этот момент Бог дал в сердце чувство победы, сердечный мир и свидетельство от Духа Святого, что я — дитя Божье. Ещё у меня появилось большое желание что-то делать для Бога. Мне тогда было пятнадцать лет.

Я очень благодарна Богу за те два, казалось бы, неопределённых года, через которые Господь провёл меня, чтобы дать будущность и надежду. Без первого покаяния не было бы следующего. У меня никогда не было и нет сомнения в том, что я дитя Божье.

Детки милые, может быть, вы тоже думаете, что не сможете жить правильно, каетесь, а всё остаётся по-прежнему? Не отчаивайтесь. Бог очень внимателен к вам. Он так же, как и меня, ведёт вас особым путём, чтобы привести к сокрушению и подготовить к определённому служению. Ведь именно для этого вы родились и живёте на земле. Только в отдаче есть истинный смысл настоящей жизни. Поэтому пишу это письмо, чтобы помочь вам не ошибиться в жизни и избрать верный путь.

Господь подарил мне большую семью, и я очень рада, что могу делать то, что Он определил для меня. Пусть Бог поможет и вам, мои детки, быть там, где Он хочет вас видеть.

С большой любовью к вам, ваша мама.

Оружие

ЩИТ — старинное ручное вооружение для защиты от ударов.

В древности щит почти всегда делали из дерева и обтягивали плетёной кожей. Кожу смазывали оливковым маслом (елеем), для того чтобы она была эластичной.

Для защиты всего тела воины использовали большие прямоугольные щиты, а чтобы защитить голову и грудь — небольшие круглые. Позже, когда люди научились добывать железо, в центре щита стали крепить металлическую выпуклую накладку. Такие щиты были очень тяжёлыми, и их редко брали с собой на войну. Были даже позолоченные щиты, которые принадлежали знатным военачальникам.

В походе воины носили щит за плечами, а готовясь к бою, прикрепляли его ремнями к левой руке.

Оборонительное вооружение

БРОНЯ — материал, обладающий большой прочностью, выполняющий функцию защиты тела от ран.

Сначала бронёй воинов была просто кожаная одежда, потом на неё стали крепить металлические полоски — «чешую».

ШЛЕМ — средство защиты головы воина от ударов, стрел. Сначала шлем был кожаный, потом — металлический.

МЕЧ — холодное оружие, состоящее из рукоятки и заострённого металлического клинка для нанесения рубящих и колющих ударов.

Клинок меча в древние времена был плоским, но в железном веке его стали делать с ребром посередине — обоюдоострый меч. В Ассирии изготовляли саблевидные мечи со слегка изогнутым клинком, а в Египте и Вавилонии мечи были серповидными или кривыми.

Воины закрепляли меч в ножнах к поясу или плечевому ремню на левом боку, чтобы перед сражением можно было быстро извлечь его из ножен правой рукой.

КОПЬЁ — ручное древковое колющее или метательное оружие, предназначенное для поражения противника.

Копья были двух видов: метательные и для ближнего боя. Копьё состояло из деревянного древка и наконечника. Древко расщеплялось или просверливалось с одного конца, туда вставлялся металлический наконечник в форме ланцета или треугольника. В зависимости от эпохи, наконечники делали из разных материалов: камня, бронзы или железа.

Наступательное оружие

ПРАЩА — широкий кожаный ремень или сплетение верёвок с расширенной средней частью и петлёй на одном конце, которая надевалась на кисть руки. В расширение клали поражающий элемент (камень или свинцовый шар), потом ремень складывали пополам, раскручивали над головой и в нужный момент отпускали его свободный конец. В старину хороший пращник никогда не промахивался, попадая врагу прямо в голову.

ЛУК — разновидность метательного оружия, он предназначен для стрельбы стрелами. Дугу лука изготавливали из дерева, меди, железа, рога, камыша и даже слоновой кости, а тетиву — из жил животных, сыромятной кожи или растительных волокон. Это оружие всегда было значительных размеров и для его натягивания требовалось немалое напряжение и сила. Пешие воины носили свои луки на щитах.

Известным библейским стрелком был Измаил, сын Агари, стрельбой из лука любил заниматься Исав, стрелами из лука был изранен Саул во время войны с филистимлянами и смертельно ранен Ахав. Лучшими стрелками из лука у евреев считались вениамитяне.

Обычное лёгкое вооружение воина состояло из пращи, лука и малого щита. Тяжеловооружённые воины носили меч, колющее копьё и большой щит.

ОСАДНЫЕ БАШНИ — многоэтажные передвижные сооружения, которые воины подкатывали к крепостным стенам по заранее сделанным насыпям. Верхний этаж башни занимали стрелки и **КАТАПУЛЬТЫ** — приспособления для метания камней, бочек с горящей смолой.

Самая высокая башня достигала 50 метров и имела двадцать этажей! Её использовали воины Александра Македонского при осаде города Тира.

Осадные орудия

ТАРАН — большая боевая машина, изобретённая ассирийцами. Это стенобитное орудие (бревно), снабжённое на конце железным или бронзовым наконечником. Оно использовалось при осаде городов, для разрушения стен, башен и других сооружений. Таран имел верхнюю надстройку, которая служила боевой площадкой для воинов. С неё они могли взобраться на крепостные стены.

ШТУРМОВЫЕ ЛЕСТНИЦЫ также использовались воинами для того, чтобы взбираться на стены, и служили для перехода через крепостной ров при штурме долговременных укреплений.

Друзья! В наше время мы с вами являемся участниками духовной войны. Дьявол направляет все силы, чтобы погубить в нашей душе ростки добра и чистоты. Господь предлагает нам, Своим воинам, оружие для победы над врагом:

— пояс истины — поможет нам стремиться к честности и верности;

— броня праведности — праведная жизнь защитит нас от греховных ран;

— особая обувь — даст готовность благовествовать неверующим людям о спасении;

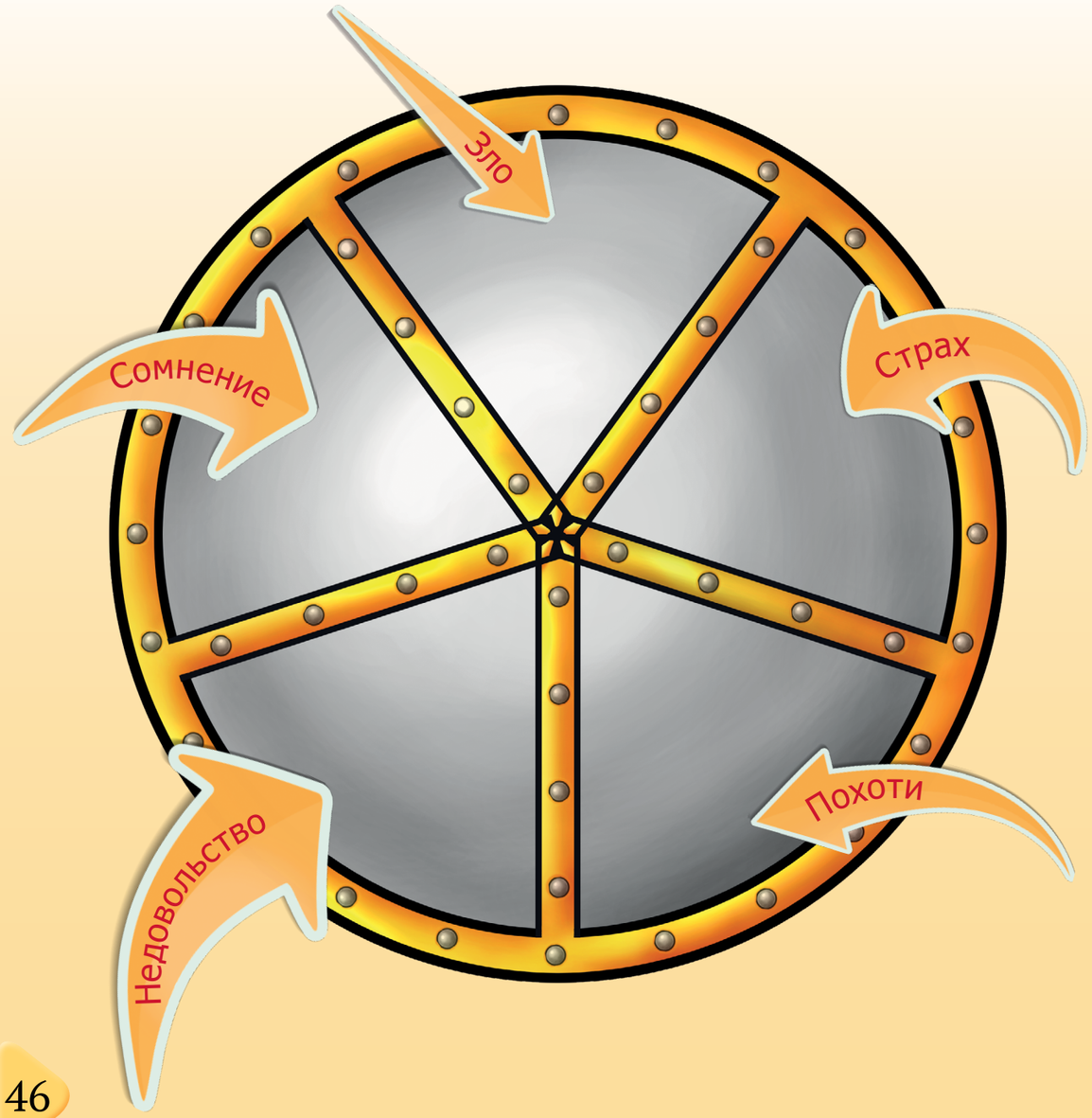
— щит веры — непоколебимая вера поможет нам угашать раскалённые стрелы лукавого — злые, скверные мысли;

— шлем спасения — даст нам уверенность в том, что мы спасены Богом и Он никогда нас не оставит;

— духовный меч — это Слово Божье, которое надо читать, и Бог через него скажет нам, как правильно жить.

Давайте вооружимся Божьим оружием!

У христианина много врагов. Напиши на щите, что может защитить тебя от них. Слово Божье поможет тебе в этом.



Наташино счастье

На улице становилось темно. Крупные хлопья снега медленно падали на землю. Этой зимой снега выпало так много, что вокруг домов выросли большие снежные сугробы. В небольшой уютной комнате на стареньком диване возле печки сидела Наташа. Она закуталась в бабушкину шаль и смотрела в окно, наблюдая за снежинками. Большие карие глаза двенадцатилетней девочки были печальными. На душе было так же холодно, как и на улице. Вот уже несколько дней Наташу не покидали тревожные мысли о маме: «Почему моя мама так часто болеет? Я не могу с ней поговорить, когда мне сильно нужно. И если в школе просят что-то сделать, мне приходится обращаться к бабушке».

Чтобы как-то отвлечься, Наташа взяла в руки учебник биологии, который лежал на письменном столе. Рядом с ней села её бабушка Ирма Николаевна и начала вязать носки. Наташа сидела молча, не отрывая взгляда от книги. Она листала страницу за страницей, словно хотела весь учебник прочитать за один вечер. Наташа заметила, что бабушка время от времени бросает на неё тревожный взгляд.

— Наташенька, что-нибудь случилось? — нарушила тишину Ирма Николаевна. — Ты у меня сегодня какая-то невесёлая.

— Нет, ничего не случилось,— коротко ответила Наташа, продолжая листать учебник.

— Может быть, всё-таки расскажешь? Тебе сразу станет легче.

Наташа подняла голову и посмотрела на бабушку глазами, полными слёз.

— Ну что такое? Говори же скорей,— бабушка ласково прижала её к себе.

— Бабуль, я такая несчастная! — расплакалась Наташа, уткнувшись в бабушкино плечо.

Ирма Николаевна отложила

вязание в сторону и крепче обняла внучку.

— Почему? В чём же оно, твоё несчастье? Расскажи.

— Да я всё думаю: почему моя мама не такая, как у других девочек и мальчиков? Вот, например, у моей одноклассницы Светы Игнатовой мама — завуч школы. Так ты бы знала, как Свету все учителя любят. Они всегда ей пятёрки ставят. А у Славика Морозова мама работает в магазине продавцом. Славик часто приносит от неё какие-то пакеты учителям. И его тоже всегда хвалят и все любят. А моя мама что? Всё болеет да болеет. Даже сейчас я опять живу с тобой, потому что мама лежит в больнице.

— Ах, вот в чём дело,— сказала бабушка и улыбнулась, но Наташа заметила грусть в этой улыбке. — Скажи, Наташенька, разве мама тебе никогда не говорила, почему она так часто болеет?

— Нет, никогда,— в сердце Наташи появилась тревога.

— А хочешь, я тебе расскажу?

— Конечно, хочу! Бабуль, расскажи.

Наташа отложила в сторону учебник биологии. Она всегда любила слушать бабушкины рассказы. А сейчас разговор пойдёт о маме! Наташа внимательно смотрела на бабушку.

— Как ты знаешь, милая, в тысяча девятьсот сорок первом году началась война. Трудное было время: разлука с любимыми, слёзы матерей и жён, голод, смерть многих невинных людей. Мы тогда с твоим дедушкой Рудольфом жили в городе Чудово Ленинградской области. У нас было трое детей: твоей маме Аните было пять лет, Людмиле три года, а Вильгельм только родился. Нас, как лица немецкой национальности, выслали на Урал. Первым отправили дедушку Рудольфа, а через короткое время и меня с тремя маленькими детьми. Мы собрали самое необходимое в дорогу, а дом и всё имущество пришлось оставить неизвестно кому.

Добирались мы на поезде. Наш вагон был переполнен людьми. Помню, было очень тесно и душно. Дети всё время плакали, просили то кушать, то пить. Поезд шёл медленно и часто останавливался. На каждой остановке солдаты проверяли наши документы. На очередной станции в каком-то городе Анита прижалась ко мне и тихо попросила:

— Мамочка, я сильно хочу пить.

— Миленькая, потерпи чуток, я сейчас где-нибудь найду воды,— пообещала я.

Взяв с собой стеклянную банку и передав спящего Вильгельма Аните, я подошла к проводнику.

— Скажите, пожалуйста, сколько времени будет стоять поезд? Мои детки сильно хотят пить, может, на вокзале я смогу раздобыть воды.

— Минут тридцать,— коротко ответил тот, и я побежала.

Найти воду оказалось не так-то просто. Минут десять я ходила по вокзалу в поисках и наконец-то набрала воды в колонке возле вокзала. Пробираясь сквозь толпы людей, я побежала к своему поезду. Но, подбежав к нужному пути, я пришла в ужас.

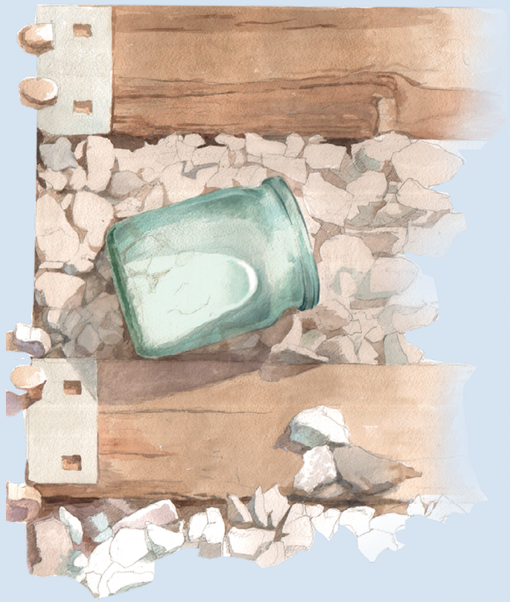
Ирма Николаевна замолчала. Наташа увидела, как бабушка уголком платка вытерла набежавшие слёзы. Наташе так не терпелось узнать, что же случилось дальше, что она толкнула бабушку в бок:

— Бабуль, что случилось, что ты увидела? Ну, не молчи же, говори!

— Подбежав к нужному пути,— продолжила бабушка,— я увидела только пустые рельсы. Мой поезд ушёл. Я упала прямо на рельсы, разлив всю воду, и начала кричать. Меня окружили люди и спросили, что случилось.

— Дети! Мои дети в поезде! Он ушёл без меня,— плакала я.

Кто-то посоветовал мне идти к начальнику вокзала и сообщить о случившемся. Выслушав меня, начальник раздражённо крикнул:



— Что же ты так беспечна, оставила детей одних? Сама знаешь: время трудное. Что я могу теперь предпринять? Иди на платформу, может быть, на какой-нибудь поезд возьмут тебя, догонишь своих детей.

Я пошла опять к железнодорожным путям, в надежде, что кто-нибудь из проводников возьмёт меня с собой.

Так, час за часом, то на пассажирском поезде, то на военном, я пыталась догнать свой поезд. Первую ночь я провела на какой-то станции. Из-за бомбёжки движение было приостановлено. Я всё время плакала, не находя себе места. Встречные люди относились ко мне по-разному: одни ругали, другие сочувствовали.

Ирма Николаевна снова замолчала. Наташа пристально посмотрела на бабушку. Вдруг ей в голову пришла мысль, которой она сразу поделилась:

— Бабушка, тебе надо было помолиться, и Господь помог бы тебе найти детей.

— Милая моя,— бабушка тяжело вздохнула. — Если бы в тот момент я умела молиться... Мы росли неграмотными, ничего не знали о Боге, и молиться нас никто не научил. Помню, как я впервые услышала слова, которые запомнила на долгие годы. Это было на второй день моих поисков. Тогда поезда не шли в нужном мне направлении. Я сняла обувь и пошла пешком прямо по шпалам, между рельсами. В одном месте был переезд, через который медленно брела лошадь, запряжённая в телегу, на телеге сидел старичок. Увидев меня, он очень удивился.

— Дочка! — крикнул он. — Куда ж ты путь держишь пешком, да ещё и по рельсам?

Я со слезами на глазах рассказала ему всё как есть. Выслушав мою историю, дедушка предложил:

— Садись в телегу, сколько смогу, подвезу тебя.

Пока мы ехали, он мне рассказал, что на небе есть всемогущий Бог, Который видит и меня, и моих детей

и Который знает мою нужду. Когда мы с дедушкой расставались, он ободрил меня:

— Ступай, дочка, с Богом. Иисус добрый, Он поможет тебе, только верь в Него.

Слова дедушки укрепили меня, придали сил. Я пошла уверенней, в глубине души надеясь на Божью помощь.

Целых два тяжёлых дня догоняла я поезд и наконец догнала. Я быстро нашла нужный вагон. Забежав в него, сразу кинулась к своим детям. Анита и Людочка сидели, тесно прижавшись друг к другу. В их глазах был испуг. Увидев меня, они закричали:

— Мамочка! Наша мамочка!

Казалось, большей радости я не испытывала за всю свою жизнь. Мы обнимали друг друга и целовали. Но вдруг моя радость исчезла, потому что я вспомнила про Вильгельма.

— Доченьки, а где Вильгельм?

Ирма Николаевна стала теребить уголок своего платка, а потом вытерла им вновь набежавшие слёзы.

— В ответ на мой вопрос Анита громко заплакала: «Мамочка, наш Виля целый день плакал, а вчера умер. Какие-то дяди в форме взяли его и вынесли из вагона».

Силы покинули меня, ноги подкосились, и я опустилась на лавку, чтобы не упасть. Позже я узнала от пассажиров, что мой сынок всё время плакал, наверное, от голода и жажды. Позаботиться о нём было некому, покормить — нечем, и он умер.

Наташе стало так жалко бабушку, свою маму и маленького Вилю, что она тоже начала плакать. Некоторое время они сидели молча. Наташа поняла, что это ещё не конец печальной истории.

— Бабуль, а что было дальше? Я хочу знать.

— Дальше, милая, мы приехали на Урал, разыскали твоего дедушку Рудольфа. Жили мы в деревянном бараке и до конца войны работали в трудармии. После пережитого страха Анита часто плакала, особенно по ночам, и очень много болела. Мы не знали, что с ней делать. В бараке мы познакомились с хорошими людьми, тоже немцами, и, как оказалось, баптистами. Они пригласили нас на богослужение. Мы всей семьёй пошли в маленький домик одной старушки, где собирались христиане. Слово Божье коснулось наших сердец, и мы с твоим дедушкой покаялись, а потом приняли крещение. Служители совершили молитву над Анитой, после этого она перестала плакать по ночам, но здоровьем так и осталась слабенькая.

От удивления большие глаза Наташи стали ещё больше. «Почему мама никогда не рассказывала мне историю своего детства? — недоумевала она. — Да и бабушка до сих пор молчала... Я и не догадывалась обо всех трудностях, пережитых мамой. Если бы я узнала об этом раньше, то старалась бы больше помогать маме».

Наташа заволновалась, ей стало жалко маму. Она вспомнила, как часто придумывала разные отговорки, когда мама плохо себя чувствовала и просила её о помощи. Вспомнила мамины печальные глаза, когда она через силу делала всю работу сама. Наташе стало и стыдно, и грустно оттого, что не может прямо сейчас попросить у мамы прощения.

— Наташенька, ты считаешь себя несчастной, но мне кажется, что совсем наоборот, ты — самая счастливая девочка в твоём классе,— неожиданно для Наташи изменила тему разговора бабушка. — Вот скажи, кого из твоих одноклассников родители научили молиться? Может быть, Свету или Славика?

— Нет, бабуль. Ты же знаешь, что они все неверующие.

— Да, милая, знаю. А ты имеешь такое счастье, что твоя мама знает и любит Бога. И хоть она часто болеет, она молится за тебя каждый день и тебя научила молиться живому Богу. Это же просто счастье! Если бы меня ещё в детстве родители научили молиться, то может быть, и в жизни всё было бы по-другому. Ты, Наташенька, счастливая, что с детства знаешь Бога.

Наташа виновато посмотрела на бабушку. С этого дня она решила всегда помогать маме, заботиться о ней и молиться, чтобы Господь поддерживал мамино здоровье.

— Я постараюсь исправиться, и больше никогда не буду огорчать маму,— пообещала она бабушке.

Бабушка одобрила её желание. Грустные мысли покинули Наташу, и она повеселела. «А ведь бабушка права,— улыбнулась Наташа. — Я намного счастливее всех своих школьных друзей, потому что Бог — наш Небесный Отец, Который заботится и обо мне, и о маме, и о бабушке. И пусть у меня мама не такая, как у других ребят, мы с ней любим друг друга. Господь дал мне верующую маму, а это большое счастье!»

Мы едем на Север!

Часть 2

На Севере многое было для меня новым и удивительным. Непривычно холодная и снежная зима радовала меня и Веню. Мы полюбили кататься на лыжах с ребятами. Нам очень понравилось вкусное оленье мясо и солёная рыба. Но самым необычным в нашей жизни были неожиданные встречи с самыми разными людьми.

Вскоре после переезда я понял, что тот, кто приехал для служения, должен быть готов к непрошеным визитам самых разных людей. Однажды к нам кто-то постучал. В этот день папа помогал соседям колоть дрова, поэтому мама послала меня открыть дверь. На пороге стоял слегка покачивающийся молодой человек с красным лицом. Я невольно отпрянул. Живя в городе, я никогда не открыл бы дверь незнакомому человеку, тем более пьяному. Здесь же я часто был свидетелем того, как папа приветливо приглашал в дом всех приходивших, внимательно выслушивал их, старался удовлетворить их нужды и всегда говорил им о Христе.

Мутными глазами гость посмотрел на меня и икнул.

— Вам что нужно: хлеба, денег или бензина? — собравшись с духом, произнёс я, вспомнив, чего обычно просили приходившие.

Мужчина тяжело вздохнул.

— Батя дома?.. Мне бы исповедаться... — высказал он свою необычную просьбу.

Я пригласил его в дом и побежал за папой. До позднего вечера папа беседовал с этим человеком. Потом он пригласил дядю Серёжу к столу, а я, сидя в уголке на маленькой табуретке, внимательно наблюдал за нашим гостем. Меня удивило, что он с трудом удерживал в руках кружку с чаем, чтобы не разлить. Дядя Серёжа всеми силами пытался выглядеть трезвым, но это у него плохо получалось, и он то и дело извинялся. Ещё он был не в меру говорлив, задавал то один, то другой вопрос и тут же сам на них отвечал. Его странное поведение вселило в мою душу какой-то страх и беспокойство, и мне хотелось, чтобы он поскорее ушёл. Не раз я украдкой поглядывал на папу, пытаясь заметить в нём похожие чувства, но он был спокоен и снисходительно терпелив.

Попив чаю и развеселившись, дядя Серёжа подсел к Алине с Веней, которые, сидя за маленьким столиком, лепили из пластилина. Алина испугалась и, захныкав, спряталась за маму. Веня же растерянно смотрел, как непрошеный помощник усердно старается своими большими пальцами, которые совсем не хотели слушаться, вылепить его собачке уши и хвост.

Папа посмотрел на маму и что-то шепнул ей на ухо. Ободряюще поглядывая на нас, они дружно запели христианскую песню. Мы часто пели всей семьёй, поэтому я, Веня и Алина дружно присоединились к пению. Дядя Серёжа недоумённо посмотрел на нас и, оставив пластилин, стал внимательно слушать. Не одну песню спели мы в тот вечер. Это благотворно повлияло на нашего гостя, и он, опустив голову на руки, уснул прямо за детским столиком.

Предав всё Господу, мы тоже легли спать. В эту ночь я долго не мог уснуть. Мысли вновь и вновь возвращались к событиям минувшего дня. Мне так хотелось, чтобы дядя Серёжа ушёл, а мы спокойно могли отдохнуть. Но я понимал, что наш дом принадлежит теперь не только нам, но и этим погибающим в грехе людям. Наш гость проспал всю ночь, никого не побеспокоив. Утром как ни в чём не бывало он попил чаю и наконец ушёл.

Этот случай заставил меня серьёзно задуматься о своей жизни. Я с горечью сознавал, что свидетельствовать о Христе в школе, как это повсюду делал папа, у меня не хватало сил. К своему стыду, я даже стеснялся молиться в школьной столовой перед едой, хотя папа всегда учил, чтобы я нигде не стыдился Христа.

В тот день я шёл в школу с твёрдым намерением обязательно помолиться перед едой. Господь помог мне в этом, хотя было очень нелегко. После молитвы я заметил, что ребята с удивлением посматривали в мою сторону и перешёптывались между собой, но мне никто ничего не сказал.

После уроков учительница напомнила мне с Федей о дежурстве. Когда мы остались приводить в порядок класс, Федя робко спросил:

— Ты что, верующий?

— Да,— просто ответил я. — А как ты догадался? Потому что я в столовой помолился?

— Ну да, и не только. Я давно уже за тобой наблюдаю. Вижу, ты не такой, как все ребята. Ты часто помогаешь тем, кто не может справиться с заданием. На совесть дежуришь в классе: нас никто не видит, а ты всё равно стараешься, во все уголки заглянешь, везде пыль протрёшь и мусор вынесешь. Никогда ни с кем не ссоришься, никого не обзываешь. Можно подумать, что весь класс — твои друзья. Даже Алик тебя уважает. Знаешь, Алик — мой лучший друг. Я во всём стараюсь подражать ему: курю те же сигареты, выпиваю с ним, всегда участвую во всех его затеях. Однако мне кажется, что ты сильнее него. Ты мне нравишься. Я бы тоже хотел быть таким, как ты.

— Видишь ли, Федя, всё, что ты сейчас перечислил,— не моё. Это Иисус меня сделал таким. Приходи к нам на собрание, там про всё это рассказывают.

— А я уже бывал у вас...

— Правда?! Когда? Я что-то тебя не видел...

— Раньше, когда тебя здесь ещё не было, мамка как-то водила. Она у меня давно верующая. А я сходил раза два да бросил эту затею. Скучно мне как-то показалось.

— А как твою маму зовут?

— Лида.

— Лидия Ивановна? Я знаю её. Хорошая у тебя мама. А папа у тебя есть?

— Есть. Он у меня страсть какой охотник и рыбак. Мы с ним любим в тайге пропадать. Может, помнишь, неделю меня не было в школе? Я в тайге был, душу отводил.

Федя поведал мне ещё многое из жизни жителей Севера, а я, увлечённый рассказом, совсем забыл про время, задавая всЁ новые и новые вопросы.

Расставаясь, я предложил ему:

— Слушай, Федь, приходи к нам на собрание. Очень буду рад тебя видеть. Давай, в воскресенье в десять часов я тебя жду.

Так первая молитва в школе положила начало моей дружбе с Федей.

Как-то раз мне, Алине и Вене сильно захотелось конфет. И ещё мы давно не ели фруктов. Мы знали, что всё это стоит дорого и что денег у нас мало. Обычно недостаток чего-то не отражался на настроении нашей семьи, потому что мы твёрдо верили, что вся наша жизнь в руках Господа, и крепко надеялись на Его помощь. Мы понимали, что наше желание невыполнимо для мамы, но просьба вырвалась как-то сама собой.

— Милые мои! — задумчиво начала мама. — Я рада бы купить вам и конфет, и фруктов, и ещё много чего вкусного и полезного, но у нас нет на это денег. Вы же знаете, что мы покупаем только самое необходимое: хлеб, муку, крупы, масло...

При этом её рука нежно потрепала мои короткие волосы, а ласковый взгляд проник в самое сердце. Смущённый, я опустил глаза.

— Давайте будем молиться,— предложила она с теплотой в голосе,— ведь Бог может послать нам желаемое. Господу очень нравится, когда молятся дети.

Мы склонились на колени и высказали своё желание Господу. Не забывали молиться об этом и в последующие дни.

Незадолго до Пасхи мы получили посылку. Это было большим сюрпризом, потому что никогда раньше мы их не получали. Нашей радости и удивлению не было предела, когда из посылки папа достал большую коробку самых вкусных шоколадных конфет. Мы так и ахнули...

— А это что такое? — загадочно улыбаясь, обратился к нам папа, показывая на объёмный пакет с мягкой курагой, блестящим черносливом и аппетитным изюмом.

— Фрукты! Фрукты! — закричали мы восторженно.

— А кто их нам дал?

— Бог! — разом выдохнули мы.

— Мы просили Его, и Он нам послал! — уверенно заключил Веня.

— Правильно,— подтвердил папа. — Видите, дети, как Бог нас любит! А теперь давайте поблагодарим Господа за Его милость к нам.

Разумеется, в посылке были и другие нужные и приятные вещи. Однако вкуса тех фруктов и конфет я не забуду никогда, потому что это был чудный ответ на нашу молитву.

Приближался праздник Пасхи, но до весны здесь было ещё далеко, в природе царила зима. В церкви полным ходом шла подготовка. Мы разучивали стихотворения и пасхальные гимны, оформляли красочный текст со словами «Христос воистину воскрес!», подписывали открытки для приглашения на праздник.

Я был рад оказанному мне доверию, когда папа решил взять меня с собой раздавать эти открытки и приглашать жителей нашего посёлка на праздничное богослужение. Я немного переживал: «А как же собаки? Ведь их здесь, кажется, больше, чем людей». Но мои опасения оказались напрасны, собаки не стали препятствием на нашем пути. Они или мирно бродили по двору, или спокойно полёживали прямо на крыльце, не обращая на нас внимания.

На грязной веранде первого дома нас встретила пьяная непричёсанная женщина. Взяв открытку, она вопросительно посмотрела на нас, не понимая, чего нам от неё надо.

— Есть ли кто ещё в доме? — спросил папа.

Кивнув головой, она открыла дверь в дом. В небольшой комнатушке воздух был настолько спёртым и прокуренным, что мы находились как будто в тумане. Тёмные тряпки, висевшие на окнах вместо штор, усиливали полумрак. В этом жилище не было шкафа, поперёк комнаты была протянута верёвка, на которой в беспорядке висели вещи. В углу на грязной постели, скорчившись и подогнув под себя ноги, сидел мужчина. На шее у него болтался крестик.

На наше приглашение он ответил:

— Ведь знаете, что не приду, зачем зря ноги бьёте? У меня мать в гробу перевернётся, если я изменю её вере и пойду к вам, баптистам.

— Вам же плохо, у вас душа болит,— посочувствовал ему папа. — Обратитесь к Господу, Он поможет вам.

Его губы были синими, лицо исказила гримаса, но он заявил:

— Всё хорошо... Выпить хочется...

Засвидетельствовав ему о любви Божьей, мы направились дальше. Мне было жаль этого беднягу. Картина, увиденная в этом доме, ещё долго стояла перед моими глазами, и я впервые оценил, как хорошо у нас дома.

Подходя к следующему двору, мы услышали стук топора. Открыв калитку, мы увидели большую кучу дров и невысокого старичка. Длинные чёрные с проседью волосы небрежными прядями свисали на его морщинистое лицо. Папа поздоровался и пригласил его на праздничное богослужение. Старик взял открытку и взглянул на нас. В его тёмных глазах отражалась глубокая тоска и щемящая боль. Казалось, что какое-то сильное горе давит его плечи. Так в действительности и было: у него недавно умер сын.

— Никто моему горю не поможет, а ходить по церквям — нет у меня времени,— махнул он рукой и снова принялся за работу.

И хотя мы с папой знали, что Бог может утешить и в такой печали, я понял, как трудно убедить в этом неверующего человека.

Особенно мне запомнился один случай. Возле заброшенного сарая пожилой человек старательно выдёргивал кривые гвозди из старых досок. Приглашение на праздник Пасхи и свидетельство о Христе он воспринял безучастно, холодно:

— Это меня не интересует.

Кивнув в сторону леса, он добавил:

— Скоро солнце упадёт, а вы стоите, мне работать мешаете.

Помню, как после этого разговора папа с болью в голосе сказал мне:

— Несчастный человек! Неужели эти ржавые гвозди ему дороже его собственной души? Солнце упадёт?.. Да, оно скоро упадёт!.. В его жизни... Что же он скажет тогда, когда предстанет перед Богом?

В других домах нас встречали добродушно и приветливо, с удовольствием слушали о Боге, брали открытки и Евангелие, обещая прийти на собрание.

Впечатления этого дня оставили неизгладимый след в моей душе, и я впервые искренно помолился за погибающих грешников, желая каждого из приглашённых увидеть на празднике.

На пасхальное богослужение, к нашей общей радости, пришло несколько человек из тех, кого мы приглашали. Собрание было особенно светлым, радостным и торжественным. Федя в тот день впервые поучаствовал в собрании: мы с ним рассказали пасхальную декламацию. С того памятного разговора в школе мой сосед по парте посещал все собрания и заметно изменился. Мы крепко подружились и много времени проводили вместе.

Я сидел на лавочке рядом с Федей и радовался тому, что всё так хорошо. Неожиданно едва заметная тень грусти легла на сердце: я вдруг представил, что скоро должен буду уехать отсюда. Уехать?.. Неужели я никогда больше не покувыркаюсь в пушистом снегу, не поем оленины и омуля, неужели я оставлю эти простые скромные собрания, добрых одноклассников, с которыми я подружился, нового друга Федю...

Я и представить себе не мог, что жизнь в каком-то заброшенном северном посёлке может мне полюбиться настолько, что я не захочу отсюда уезжать. Меня наполняло одно желание — остаться. И как-то вечером, когда я был наедине с папой, я рассказал ему о своих переживаниях. Каково же было моё удивление, когда папа обнял меня за плечи и серьёзно посмотрел мне в глаза:

— Сёма, мы с мамой много молились об этом и поняли, что нашей семье необходимо остаться здесь. В этом посёлке нужны миссионеры, поэтому настраивайся на дальнейшее служение.

Я благодарно сжал руку папы и облегчённо вздохнул: значит, мы остаёмся. Слава за это любящему Богу!

Поприще

(римская миля)

Поприще = 8 стадий = 2 000 шагов = примерно 1 500 метров.

Во времена Иисуса любой римлянин мог заставить любого еврея нести ношу на расстояние 2 000 шагов — поприще.

ПРИМЕР: «Кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5, 41).

ЗАДАНИЕ: Посчитай, сколько поприщ, шагов и метров составляло расстояние от Иерусалима до Вифании (Ин. 11, 18).

Если бы не Господь

Часть 6. Окончание

В небольшой слабо освещённой комнатке на грубо сколоченном топчане сидели четырнадцатилетняя Галя и двенадцатилетняя Шура и с нетерпением ожидали, когда конвойные приведут маму. Они не видели её целый долгий год!

Туда-сюда неторопливо ходил папа, Иван Фёдорович, скрестив на груди руки. Одиннадцатилетний Коля, восьмилетняя Люда и четырёхлетний Павлик сидели за небольшим деревянным столом, покрашенным тёмно-зелёной краской, и молча поглядывали друг на друга.

Вот уже второй день эта небольшая барачная комнатка была прибежищем для их семьи. Сам барак находился на территории зоны, где отбывала срок их мама, Надежда Степановна, за то, что любила Господа и рассказывала о Нём людям.

Только сейчас Галя рассмотрела эту комнатку — вчера было не до того. Обшарпанные серые стены, осыпавшаяся местами штукатурка, паутина в углах и облупившаяся краска на подоконнике.

«Навевает тоску,— подумала Галя. — В бараке, где живёт мама, наверное, ещё хуже. Бедная наша мамочка, изо дня в день она смотрит на грязные серые стены».

— Галя,— прервала молчание Шура. — Смотри, георгины-то опять стали свежими.

— Да, для мамочки это будет радостью, ведь она так любит цветы,— Галя перевела взгляд на банку, в которой стоял вчерашний букет.

— С зеленью здесь, похоже, бедно,— подхватил разговор Иван Фёдорович. — Вы только посмотрите во двор — ни одной травинки, всё вытоптано.

Действительно, в небольшом дворе, отгороженном от зоны трёхметровым бетонным забором, невольно бросался в глаза печальный безжизненный квадрат сухой потрескавшейся земли. Но не земля сейчас привлекла внимание Гали и Шуры. Они увидели, как из-за трёхметрового забора под охраной конвойных показалось несколько женщин, одинаково одетых в тёмно-синие платья с мелкими белыми цветами. Голову каждой покрывал белый ситцевый платок. Среди этих заключённых была их любимая мама.

— Ещё один шчасливы дзень... — радостно прошептала Шура.

Все сразу засуетились. Младшие дети стали устанавливать очередь, кто первый кинется обнимать маму. Но очереди, конечно же, не получилось. Как только мама появилась в дверях, все разом бросились к ней.

— Милые мои, родные... — только и успевала повторять Надежда Степановна.

Потом все, не сговариваясь, опустились на колени и стали радостно благодарить Господа за то, что Он подарил им эту чудесную встречу. Никто тогда не знал, когда они встретятся вновь, может быть, новая встреча будет совсем не скоро. Ведь уже середина лета, а в конце августа Гале и Шуре нужно будет вернуться в детский дом...

А пока дети были очень счастливы и уговаривали маму рассказать им о том, как ей живётся в зоне.

— С первых дней, как нас пригнали сюда этапом,— начала свой невесёлый рассказ мама,— меня начали вызывать то к одному начальнику, то к другому. Они уговаривали меня отказаться от Бога. Внушали, что верят в Господа только пережитки прошлого. А когда я начинала им говорить, что Иисус живой, что Он всегда со мной, что Бог — это моя жизнь, они вели себя совсем не как начальники: топали ногами, кричали на меня, угрожали, что живой мне из зоны не выйти.

— Матулечка милая, тебе, наверное, было страшно? — тихо спросила Шура.

— Да, дочушка, было страшно, но Бог давал силы отвечать им смело. В отряде тоже пришлось не сладко. Надзирательницы заставляли работать по воскресеньям. Я отказывалась, говорила, что это день Господень, я в этот день служу Богу и работать не буду. Тогда меня отправляли в карцер, это камера для наказания. Она маленькая и не отапливается, да ещё и окно в ней разбито, а в неё помещали на пятнадцать суток. Верхнюю одежду забирали. Обычно те, кто возвращался из карцера, потом долго болели. А меня Господь хранил. Мне было тепло, как в нашей избе у печки.

— Да-а,— задумчиво протянул папа. — Если бы не Господь... Если бы не Господь...

— Если бы не Господь, давно бы уже не было меня в живых,— продолжила мама. — Каждое воскресенье после работы женщин загоняли в клуб — смотреть кино. Я туда отказывалась ходить, и меня оставляли на улице. Зимой приходилось нелегко. Все бараки закрывают, зайти погреться некуда. Брожу по двору, молюсь, гимны пою, и тепло мне, и радостно.

— Как хорошо, что у нас есть Иисус, Он помогает в самые трудные и опасные минуты,— сказала Галя.

— Ты права, Галочка. Господь помогает всегда. Меня отправили работать в швейный цех и специально дали неисправную машинку, а норму мне нужно было выполнять, как всем женщинам. Я горячо помолилась вслух и смогла отремонтировать машинку, она у меня стала работать как часики. Выполню норму и сразу молиться начинаю. Встану у окна на колени, чтобы не мешать в проходе, и благодарю Господа за всё.

Галя внимательно смотрела на маму, которая сильно изменилась за это время.

«Какие у неё ясные глаза,— подумала Галя. — Лицо сильно осунулось, появилось много морщинок, а взгляд остался таким же лучистым, и от этого лицо кажется сияющим неземной красотой. Разве может быть такой взгляд у мирских людей? Нет, я ни разу не видела».

Пока Галя разглядывала мамино лицо, Шура несмело спросила маму:

— Матулечка, а тебя не обижают?

— Господь хранит, дочушка. Бывало, стою на коленях в умывальной комнате, молюсь. Чувствую, что-то тяжёлое бросили мне на голову. Я дальше молюсь, а когда встаю с колен, смотрю, фуфайка на мне зоновская висит. Но я не обижаюсь на женщин, ведь они не знают Господа. Я и за них молюсь. Больше всего люблю молиться утром, когда все ещё спят. У нас подъём в семь часов, а меня Господь пробуждает в шесть. Встану на колени и разговариваю тихо с Отцом Небесным. Кругом тишина, ни звука, а мне так хорошо и спокойно становится на сердце!..

Галя с Шурой участливо слушали рассказ мамы. Они даже не заметили, что за разговорами медленно приближался вечер.

«Пусть мы страдаем, пусть к нам плохо относятся недруги, пусть нас гонят, но мы самые счастливые, потому что мы под охраной Бога»,— подумала Галя, когда мама на мгновение замолчала и вытерла уголком белого платка глаза.

«Мы никогда не оставим Господа,— решила Шура. — Как бы ни старались враги нас запугать, мы-то знаем, что на небесах нас ждёт великий Бог, и у нас там уже никогда не будет скорбей, и уже никто не разлучит».

Шура задумчиво посмотрела в окно, в манящую синеву высокого, но такого родного неба. Было ещё светло, хотя солнце уже опустилось к горизонту. Полуденная жара постепенно сменилась вечерней прохладой, и в открытое окно заструился лёгкий свежий воздух, который хотелось вдохнуть всей грудью.

Где-то рядом, за высоким бетонным забором, послышался лай сторожевых собак и громкие крики конвойных.

— Заключённых на ужин повели,— пояснила Надежда Степановна.

— А чем вас кормят? — поинтересовалась до этого молчавшая Люда.

— Женщины называют нашу

пищу помоями, швыряют чашки с едой в угол и ругаются. А я — ничего. Помолюсь и ем, и благодарю Бога. Давайте вместе споём гимн «Когда одолеют тебя испытанья...» Я часто его пою одна, — предложила мама.

Но спеть они не успели. Неожиданно для всех резко открылась дверь и, как гром среди ясного неба, грянул грозный голос конвойного:

— Слобода, на выход!

Все засуетились, стали прощаться с мамой в надежде, что завтра перед отъездом ещё раз смогут её увидеть.

— Дяденька, пожалуйста, разрешите маме взять с собой цветы,— обратилась к конвойному Шура, сама не ожидая от себя такой смелости.

— Не положено,— гулко пробасил он, смотря куда-то сквозь неё.

Мама чуть заметно улыбнулась и ласково провела своей шершавой натруженной рукой по щеке Шуры.

— Дочушка моя заботливая,— только и успела сказать она.

Маму увели. И как-то сразу стало пусто в маленькой неуютной комнате. Тоскливо заскрипели ставни от июльского ветра. Уныло закачалась паутина в углу. Безрадостно застрекотал неизвестно откуда взявшийся кузнечик. И опечаленно склонились головы Ивана Фёдоровича и детей. Долгое время никто из них не мог вымолвить ни слова. Сердце сдавило тоской, а по щекам ползли и ползли непрошеные слёзы.

Никто из семьи Слобода пока не знал, что зимой при участии директора школы и председателя колхоза увезут в детский дом Колю, Люду и Павлика. И дети уже не увидят, как будет бесцельно метаться из угла в угол папа. Как под его ногами будут одиноко скрипеть половицы. Как он потом сядет

на лавку, обхватит голову руками и горько-горько заплачет от тоски в сердце и пустоты в избе, а потом будет долго-долго молиться.

Галя с Шурой плакали и думали о том, что не смогут сегодня уснуть. Так и было. Всю ночь они сидели вместе с папой около стола, когда младшие дети легли спать. Сидели молча, каждый был погружён в свои безрадостные думы.

Утром, перед отъездом, они увидели маму ещё раз. Она им слабо улыбнулась и слегка махнула рукой. Больше они её не видели. Их опять разлучили на долгие-долгие дни, которые плавно перетекали в недели, недели — в месяцы, месяцы — в годы...

Наконец прошло три года. Наступил долгожданный 1972 год. В этом году вернулась из заключения мама. Галя с Шурой к этому времени уже окончили восемь классов и жили дома с папой. Сколько же было счастья и радости, что наконец-то они вместе! Одно только омрачало их радость — Коля и Люда с Павликом пока находились в детском доме.

Надежда Степановна умоляла разных начальников вернуть детей домой. Но везде был один и тот же ответ: «Откажись от Бога и своих убеждений, и дети сразу будут дома». На такое предложение Надежда Степановна, конечно же, никак не могла согласиться. Одно утешало — что Коле, Люде и Павлику разрешали приезжать домой на каникулах. Через два года Коля тоже закончил восемь классов и вернулся домой.

Прошло ещё несколько лет. В январе семьдесят девятого Надежда Степановна сильно заболела — годы, проведённые в зоне, не прошли бесследно. Господь открыл ей, что скоро она перейдёт в вечность. Она как могла пыталась утешить плачущих детей. Люда и Павлик как раз находились дома на каникулах. Надежда Степановна говорила, что Бог их любит ещё больше, чем она, и что Он будет о них заботиться.

— Вы теперь подросли, многому научились. Мне было намного страшнее оставить вас, когда меня посадили в тюрьму. Тогда вы были совсем беззащитными крошками,— говорила Надежда Степановна.

Дети не утешались этими словами, а плакали ещё сильнее...

В феврале того же года Господь забрал Надежду Степановну в вечные обители. Всей семье так и не суждено было соединиться на земле.

На кладбище деревни Дубровы вырос свежий могильный холмик, который тут же засыпало колючим снегом. Возле могилки стояло много народу: и деревенские жители, и верующие из разных городов. Из детского дома на похороны отпустили младших детей Надежды Степановны.

Долго рыдали над могилкой Иван Фёдорович, Галя, Шура, Коля, Люда и Павлик.

— Господи! Матулечка умерла! — горько всхлипывала Шура. Голос её тонул в потоке холодного зимнего ветра. — Помоги мне быть похожей на неё! Помоги, Господи!

— Иисус! Услышь! — надрывно плакала Галя, и слёзы застывали ледяными струйками на её щеках. — Помоги мне быть верной Тебе, как моя милая мамочка!

— Если бы не Господь был с нами,— только и повторял Иван Фёдорович,— если бы не Господь был с нами... Господи, Ты всегда был с нами, с Наденькой... сейчас она у Тебя... не оставь нас, доведи всех наших детей до неба, дай нам встретиться с нашей мамочкой!

Могильный холмик уже совсем запорошило. Не стало видно земли. Постепенно кладбище опустело. Разошлись все, кто пришёл проводить Надежду Степановну в последний путь. Но ещё долгое время сквозь мглистую слепящую метель можно было разглядеть поникшие силуэты осиротевших детей и отца, склонившихся над дорогой могилой.

Вскоре порывы ветра усилились, и крупные хлопья снега заполнили всё вокруг непроглядной снежной мглой. Не видно было больше ни кладбища, ни неба, ни земли. И слышалось только завывание ветра, который пел свою печальную песню.

Прошло много лет. Галя, Шура, Коля, Люда и Павлик стали взрослыми. Все они по сей день служат Господу. Многих гонителей, кто причинял им горе, уже нет в живых. Только Бог знает, смогли они покаяться или нет.

Отнимая детей у родителей, гонители думали, что отнимут их у Бога. Они надеялись, что смогут дать детям лучшую жизнь, заставят их отказаться от Христа ради «светлого будущего». Но они ошиблись. Светлого будущего без Бога не существует. И Господь не оставил тех, кто крепко Его любил. Господь провёл их сквозь испытания и трудности, но сохранил их для Себя, для Своего Небесного Царства.

Не получилось у атеистов разрушить детскую веру, как они ни пытались. Не получилось искоренить те добрые ростки, которые были посажены в детских душах отцом Иваном Фёдоровичем и матерью Надеждой Степановной. Эти ростки проросли и принесли добрый плод во славу Божью.

Глухие дети

Мне было десять лет, когда моя мама покаялась, и я стал вместе с ней ходить на богослужения. Первое время мне нравилось посещать церковь, потому что в ней было спокойно и хорошо. Но вскоре я почувствовал себя одиноким, ведь я был единственным глухим ребёнком в Доме молитвы.

На своём родном языке жестов мне не с кем было общаться. Слышащие ребята иногда дразнили меня. Сейчас я понимаю, что они просто не знали, как поддерживать со мной отношения. Но в то время мне было обидно.

Я знал, что для детей в церкви есть воскресная школа, а я, к моему сожалению, не мог её посещать. Многие дети могли участвовать в богослужении: играть на различных музыкальных инструментах, рассказывать стихи, петь гимны. Я был лишён всего этого из-за моей глухоты и чувствовал себя обделённым.

В будние дни я учился в школе для глухих детей, где мне было комфортно. У меня там были хорошие приятели, которые меня понимали и относились ко мне с уважением. Но вскоре в школе узнали, что моя мама верующая и отвернулись от меня, хуже того, они стали смеяться надо мной. Я совсем остался один. Мне было очень тяжело, приходили мысли: «Тебя никто не любит». Хотелось любыми путями вернуться к прежним приятелям, почувствовать себя нужным, просто поговорить с людьми, которые понимали бы меня.

Мне приходилось общаться только со своими родителями, и то по необходимости. Среди сверстников я чувствовал себя отвержен ным. Сердце постепенно ожесточалось. В церковь я продолжал ходить, но без особого интереса.

Моими островками радости были богослужения для глухих верующих. На них я встречался с такими же, как я, глухими детьми верующих родителей. Это были мои настоящие друзья, с которыми у меня было много общего. Они меня ободряли, с ними я забывал о своём одиночестве. Приятные воспоминания об этих встречах я храню до сих пор. Но специальные богослужения и общения для глухих проводились очень редко, всего два раза в год.

Каждое лето я со всеми детьми из нашей церкви ездил в христианский лагерь. Во время занятий или на служении мне было интересно, так как на них присутствовал сурдопереводчик. А во время досуга я опять был предоставлен сам себе. В таком состоянии одиночества и уныния дьяволу очень легко было обмануть меня. «Оставь церковь, зачем тебе это нужно? Иди в мир, и твои приятели снова примут тебя в свой круг»,— такие мысли возникали у меня всё чаще.

Я перестал посещать Дом молитвы, и действительно, приятели снова стали со мной общаться. Но счастливым я не стал, ведь в моём сердце был страх Божий, заложенный с детства. Я начал жить грешной жизнью, а этот страх не давал мне покоя, постоянно тревожил моё сердце. Приятели не разделяли моих переживаний, и я разочаровался в них. Жизнь показалась мне бесцельной. Я не знал, как жить дальше, хотя был ещё очень молод.

Думаю, что благодаря молитвам моей мамы и великой милости Господа я увидел себя грешным и обманутым дьяволом. В девятнадцать лет я покаялся. Господь подарил мне радость. Я стал счастливым человеком, потому что почувствовал себя нужным в церкви. В настоящее время я благодарю Бога, что родился глухим. Ведь теперь я могу рассказывать о Спасителе таким же, как я, неслышащим людям.

Вспоминая свои детские переживания, я стараюсь больше внимания оказывать тем, которые чувствуют себя одинокими.

Прочитай слова, пользуясь азбукой глухих, и составь из этих слов библейский стих.

Учите наш язык!

Я не слышу голоса людского.
Птичек пенье незнакомо мне.
Но меня достигло Божье слово.
Я его услышал в тишине.

Не ушами – сердцем и душою
Принял я евангельскую весть,
Что Христос пожертвовал Собою,
Что и для глухих спасенье есть.

И душа моя возликовала.
Захотелось громко с вами петь,
Чтобы и другим понятно стало,
Что такое – Господа иметь!

Я пою. Я жестами стараюсь
Выразить, о чём душа поёт.
Вместе с вами Бога прославляю,
Веря в то, что Он меня поймёт.

Знаю я – придёт пора такая:
В Царстве Бога вечном, неземном,
Музыкальным слухом обладая,
Будем петь мы радостный псалом.

А пока мы всё-таки глухие…
Но от сердца всем хотим сказать:
Наш язык учите, дорогие,
Чтобы нам друг друга понимать!

Вопросы и ответы

1. С какого возраста можно думать о любви и замужестве?

В жизни юношей и девушек в определённый период наступает время, о котором Екклесиаст написал: «время любить…» (Еккл. 3, 8). Чувство любви к противоположному полу может быть реализовано только в брачном союзе, который заключается не ранее достижения совершеннолетнего возраста.

Думать о замужестве можно, когда брат в Господе сделает предложение сестре создать семью. До момента создания семьи нужно заботиться о том, как угодить Господу и жить свято. Несвоевременные мысли о любви только осложнят жизнь.

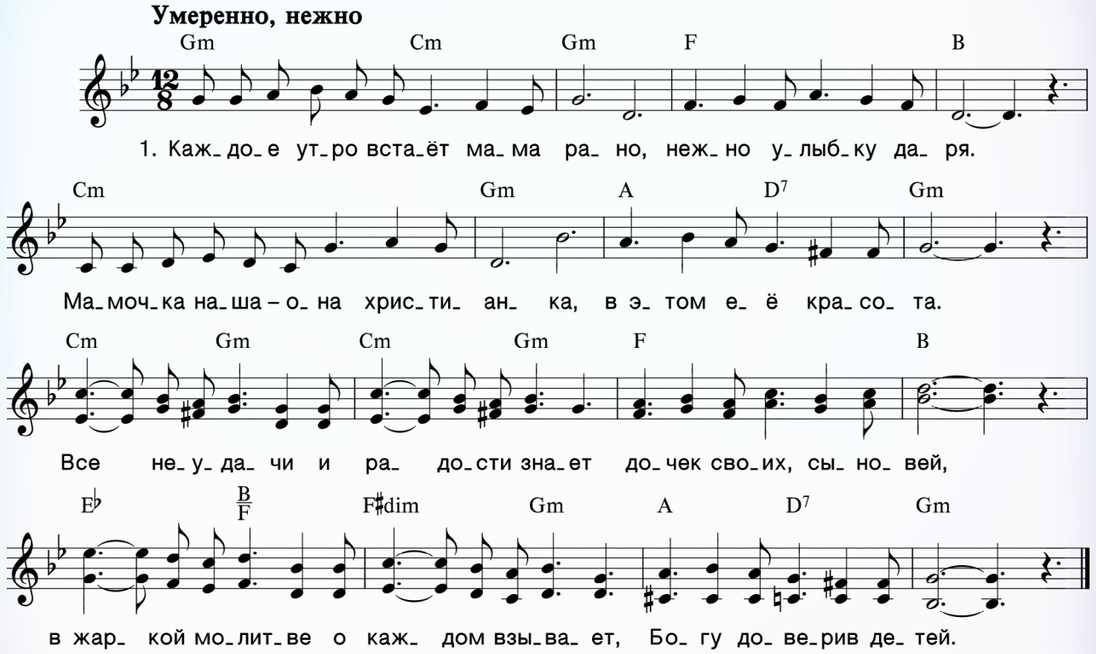
2. Почему нельзя смотреть фильмы?

То, что человек видит и слышит в фильмах, остаётся в его сознании. Информация, которую зритель получает из кино, формирует его образ мышления. Светская кинематография пропагандирует мирские ценности. Они будут осквернять душу верующего человека и разрушат его веру, если он будет смотреть фильмы.

Апостол Иоанн в своём послании написал: «Кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1Иоан. 2, 15). Христианам нужно хранить себя от мирского влияния, которое распространяет кинематограф. При просмотре фильма у зрителя, даже помимо его воли, возникает желание быть похожим на главного героя. Это происходит потому, что кино обладает мощным эмоциональным воздействием на человека, особенно на детей и подростков. Если верующий человек начнёт подражать героям фильмов, он будет подражать этому миру. А христиане призваны подражать Христу. «Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные» (Еф. 5, 1).

«Каждое утро встаёт мама рано...»

А. Чепуренко *М. Парафейник*



1. Каждое утро встаёт мама рано,
Нежно улыбку даря.
Мамочка наша — она христианка,
В этом её красота.
Все неудачи и радости знает
Дочек своих, сыновей,
В жаркой молитве о каждом взывает,
Богу доверив детей.

2. Мама к небесному учит стремиться
И отвращаться от зла,
Слушаться папу и дружно трудиться,
Жить прославляя Христа.
Если в душе поселилась тревога,
Кто лучше мамы поймёт?
Вместе, склонившись, помолимся Богу –
Снимет Он тягостный гнёт.

3. В деле проявлена мамина вера,
Мудрость и щедрость души —
Мама для нас стала добрым примером,
Как за Иисусом идти.
Можно о маме сказать очень много —
Видим любовь в каждом дне.
Мамочка, ты нам подарена Богом,
Мы благодарны тебе!

Мама, научи меня молиться!
Я хочу Иисусу рассказать,
Всё что в сердце у меня творится,
Всё, о чём мне хочется мечтать.

Научи меня бояться Бога,
Не соседей и не злых ребят.
Обходить грех дальнею дорогой
Научи пожалуйста меня.

Мама, научи любить Писанье,
Утром рано Библию читать.
И ходить со всеми на собранье,
А не просто бегать и играть.

Вырасту — и верующей буду!
Богу стану искренне служить.
Ничего я мама не забуду,
Только поскорее научи!

Меня мама очень любит,
С самых первых моих дней.
Приласкает, приголубит,
Хорошо мне очень с ней.

Мама молится, постится,
Чтоб когда я подрасту,
Смог пред Господом смириться,
Жизнь свою отдать Христу.

О, Господь, благослови же,
Все молитвы матерей.
Чтобы дети стали ближе
К Господу душой своей.

Серебрится река...
Мягкий солнышка свет...
А вокруг тишина:
Начался уж рассвет.

Новый день расцветет,
Будто в поле цветок.
Красоту эту мог
Сотворить только Бог!

Я тебе, мой Господь,
Благодарность несу
За большую любовь
И небес красоту!

Настя, 10 лет.

Да веселится ОТЕЦ твой и да торжествует МАТЬ твоя, родившая тебя.

Притч. 23, 25

Христианская семья
(Сибирское объединение, Восточный Казахстан)

Христианский журнал для детей младшего
и среднего школьного возраста
Издаётся с 2010 года
Выходит два номера в год

Отпечатано в типографии
издательства «Христианин» МСЦ ЕХБ
на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит